

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Д.П. ШАТИЛО

ТРАНСФОРМАЦИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

МОСКВА
2021

Серия
«Социально-экономические проблемы глобализации»

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Отдел глобальных проблем

Работа печатается по решению Ученого совета
ИНИОН РАН

Шатило Д.П.
Ш 28

Трансформация социального пространства глобальных городов : аналит. обзор / Д.И. Шатило ; ИНИОН РАН, Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем., Отд. глобал. проблем. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – 78 с. – (Социально-экономические проблемы глобализации).

ISBN 978-5-248-00983-1

Исследуются территориальные различия социального расслоения, влияние социальных, экономических, демографических и этнических аспектов на дифференциацию городского пространства. На примере расселения иммигрантов и социально-экономической структуры территории рассматриваются особенности и закономерности формирования внутригородских процессов в глобальных городах.

Для урбанистов, географов, демографов, экономистов, социологов и специалистов, имеющих смежные научные и практические интересы, а также представителей власти, формирующих приоритеты городской политики.

The paper focuses on the territorial social stratification' differences and the influence of social, economic, demographic and ethnic aspects on the urban space differentiation. On the example of immigrants' settlement pattern and the territorial socio-economic intra-urban structure, social and ethnic processes in global cities are considered.

For urban planners, geographers, demographers, economists, sociologists, and experts who have related scientific and practical interests, as well as government representatives forming the priorities of urban policy.

DOI: 10.31249/citispace/2021.00.00

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
1. Глобальный город – новый этап в развитии урбанизации	6
1.1. Научные подходы к исследованию глобальных городов.....	6
1.2. Урбанизационные процессы в условиях глобализации	14
1.3. Виды глобальных городов.....	18
1.3.1. Опорный каркас расселения.....	18
1.3.2. Специфика глобальных городов-столиц.....	26
2. Трансформация социального городского пространства.....	30
2.1. Эволюция подходов к изучению социального пространства (СП).....	30
2.2. Модели городского пространства в зарубежной и отечественной литературе.....	32
3. Дифференциация городского пространства глобальных городов	39
3.1. Изучение дифференциации городского пространства	39
3.2. Социальная ситуация в глобальных городах.....	46
Заключение	57
Список литературы	60

ВВЕДЕНИЕ

Изучение мировых городов ведется с появления в XIX в. урбанистической науки. На протяжении длительного времени исследования специалистов фокусировались на городах-лидерах — столицах крупнейших стран и ведущих транспортных узлах. В последние десятилетия в науке стали изучать широкий массив процессов, протекающих в мировых и глобальных городах. Особое внимание аналитиков сосредоточено на городском развитии, связанном с вступлением мировой экономики в эпоху глобализации, которая усиливает значение городов и трансформирует внутригородское пространство.

Традиционно основное внимание при изучении городов уделяется людности города, в то время как функциональный подход предусматривает акцент на важность городов в других сферах общественной жизни. Вместе с тем следует признать, что нередко существует прямая связь между величиной населения города и его значением в социально-экономической и культурной жизни.

По мнению большинства ученых, в последние десятилетия мировая экономическая, политическая и социальная сферы перешли на новый этап развития. Одним из факторов изменений стал распад советской системы и прекращение противостояния двух супердержав. Это привело к расширению рамок свободных рыночных «мир-экономик» (по И. Валлерстайну), вне которых оказалось не так много стран [Валлерстайн, 2001; Курасов, Трейвиш, 2009]. В новых условиях современная структура городов значительно усложнилась и трансформировалась. Причем большая часть исследователей в качестве ведущего результата параллельных процессов глобализации и интернационализации, обуславливающих это усложнение, наряду с перестройкой национальных систем городов называют формирование мировых городов [Андерссон, Андерссон, 2001; География мирового хозяйства., 2016].

Термин «мировой город» больше относится к истории развития городов, тогда как понятие «глобальный город» (далее ГГ) связано с процессами глобализации – ГГ включен в глобальную экономику, занимает в ней видное место, выполняет определенные функции. Большинство нынешних глобальных городов сочетают в себе функции мировых и наоборот. В обзоре используется термин «глобальный город».

Существуют разные причины быстрого роста городов по всему миру: глобальные города предлагают различные экономические выгоды, внутри городов формируются культурные и социальные связи между горожанами, в них по большей степени концентрируется третичный сектор экономики [Appadurai, 2003]. В последние десятилетия ускоренная глобализация соединила города [Курасов, Трейвиш, 2009]. В условиях экономической глобализации «глобальные города стали главными центрами множественных, взаимозависимых потоков большего разнообразия товаров, услуг, людей, капитала, информации и болезней», пишет американский социолог и экономист, один из теоретиков глобального города С. Сассен [Sassen, 2018]. Как следствие глобальные города превратились в открытые и сложные системы. На сегодняшний день глобальные города – это многокультурные, географически отличные и динамичные пространства, которые функционируют как структурные и организованные системы [Parnreiter, 2019].

В истории сложились различные подходы к изучению мирового развития: универсализм и «уникализм» (модернизационная и цивилизационная парадигмы, единого названия у них нет). Универсальная картина мира исходит из единства мировой цивилизации и ее развития. Этот подход предполагает, что мировые системы и все государства движутся по общему пути, несинхронно проходя одни и те же стадии, что позволяет более или менее уверенно говорить о лидерах и аутсайдерах на каждом историческом этапе. Уникализм предполагает культурно-геоисторический подход и основывается на теории «локальных цивилизаций». В «уникализме» исходным пунктом служит признание своеобразия развития общества, самобытности его истории. Уникальность – антитеза универсализму, она апеллирует к локальной неповторимости. Для нас было важно понять, в каких условиях развивались конкретные глобальные города, в чем проявляется их сходство и различие, а также какова специфика их социального пространства.

При всем разнообразии подходов разных наук к исследованию феномена мирового и глобального города географический

подход, основанный на территориальности, комплексности и картируемости [Баранский, 1980], имеет важное значение. Г.М. Лаппо писал, что география располагает всеми методами для раскрытия сущности города, закономерностей формирующих его процессов [Лаппо, 1997].

В общественных науках сложились разнообразные подходы к анализу социального пространства. Цель настоящего исследования – выявить на основе изучения современных зарубежных и отечественных исследований, как менялись научные представления о глобальных городах (и менялись ли) и социальном пространстве внутригородских территорий. В соответствии с целью исследования решались следующие задачи:

- 1) подбор литературной базы для определения различий между глобальными и мировыми городами;
- 2) изучение основных этапов в формировании концепции глобального города; исследование эволюции подходов к формированию термина «глобальный город»;
- 3) изучение классических подходов к выделению социального пространства и видам городского пространства;
- 4) выявление особенностей социального пространства в конкретных городах.

Целям и задачам обзора соответствует его структура. В первой части рассматриваются система понятий и подходы к выделению глобальных городов, во второй анализируется понятие «социального пространства», его определения в различных научных дисциплинах, изучается социальное пространство глобального города. В третьей части исследуется трансформация социального пространства в отдельных глобальных городах.

1. ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОРОД – НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ УРБАНИЗАЦИИ

1.1. Научные подходы к исследованию глобальных городов

Прежде всего следует разобраться в понятиях «глобального» и «мирового города» и критериях их выделения. Многочисленные функции, выполняемые крупнейшими центрами в мировой экономике и политике, породили множество терминов, которые используются либо как синонимы, либо как сходные термины для того, чтобы подчеркнуть определенные особенности и критерии, ис-

пользуемые авторами. Наряду с понятием «мировой город» исследователи пишут о «глобальных городах», «супергородах», «мегаполисах», «информационных городах» и др.

Термин «мировые города» имеет давнюю историю. Его появление приписывается еще Гёте, тогда как в научный оборот он был введен в начале XX в. П. Геддесом. Понятие мирового города используется в научной литературе для обозначения городов, которым принадлежит особая культурно-историческая или религиозная роль (Рим, столицы бывших империй, такие как Лондон, Париж, Вена, Мадрид) [Sassen, 1994]. В начале XX в. основанием для выделения мировых городов стало служить сочетание трех критериев: политической значимости, экономической мощи и численности населения. Британский урбанист П. Геддес в опубликованной в 1915 г. работе «Эволюция городов» впервые ввел в научный обиход категорию «мировой город». В число мировых городов ученым были включены столицы ведущих стран Европы – Лондон, Париж, Берлин и Вена, а также крупнейшие города США – Нью-Йорк, Бостон, Чикаго и Филадельфия. Главной заслугой П. Геддеса было признание того факта, что в перспективе аналогичные центры возникнут и в других регионах мира, в том числе в Азии [Cohen, 1981; Курасов, Трейвиш, 2009; Шатило, 2018; Собственная логика городов..., 2017]. В свою очередь О. Шпенглер в книге «Закат Европы» одним из важнейших признаков западной цивилизации кроме кардинальных изменений социальной структуры называл наличие мировых городов [Шпенглер, 1993].

Британский геоурбанист П. Холл дифференцирует мировые города на основе набора и объема выполняемых ими функций. Позже такой подход стал использоваться и другими авторами. Согласно П. Холлу, мировые города представляют собой сравнительно ограниченный круг мест, в которых решаются важнейшие вопросы мирового уровня [Hall, 1998, p. 18]. В них расположены центры общественных организаций, торговых союзов, финансовых и страховых компаний, эти города являются важными транспортными и коммуникационными узлами, они находятся на перекрестках путей международного воздушного и морского сообщения [Hall, 2003; Liu, Derudder, Taylor, 2014]. Холлом в качестве мировых центров признаны: Лондон, Париж, Москва, Нью-Йорк, Токио, а также крупные урбанизированные ареалы, такие как Ранстадт и Рейн-Рур.

Понятие «супергорода» ввел французский историк Ф. Бродель в фундаментальном труде «Материальная цивилизация, экономика,

капитализм, XV–XVIII вв.», где ставилась задача «организовать историю мира» во времени и пространстве, выявить такие черты экономической жизни, которые приобретают мировое значение. Мировая экономическая история виделась Ф. Броделю как чередование господства на протяжении пяти-шести веков экономически автономных регионов мира («миров-экономик»), в которых не только имеется единый центр – супергород, но вся жизнь подчиняется единой ритмике [Бродель, 1992, с. 15; Бродель, 1994, с. 22]. Супергород – это центр экономической системы. В нем «живая душа» культуры замирает и уступает место «свободному», «холодному» духу, все находится под властью индустриализма.

Постиндустриальная эпоха совпала с очередной волной глобализации, снижением роли государств и их границ в мировой экономике, которой правит транснациональный капитал. Этому явно помогла информатизация, облегчая управление бизнесом, рассеянным по всему свету, а по мнению некоторых авторов, и «сервисизация» экономики, хотя она не столь интернациональна и мобильна, как индустриальное производство [Крупнейшие транснациональные..., 2018]. Доля услуг в мировой торговле составляет 20–25%, а в мировом ВВП – 70%. Сложившаяся асимметрия – результат обычного структурного запаздывания. Еще демограф и экономист С. Кузнец в 1960-х годах заметил, что в международном обмене преобладали сельскохозяйственные товары, тогда как в хозяйстве торгующих стран уже доминировали промышленные [Kuznets, 1960]. По Л.М. Синцерову [Синцеров, 2019], инерционное запаздывание международного разделения труда наблюдается и при следующем макроструктурном сдвиге к сервисной экономике. Так или иначе, ТНК как главные агенты глобализации могут свободно размещать предприятия, сохраняя при этом свои штабы и головные офисы в старых опорных центрах. У каждой корпорации – своя сеть командных пунктов, но тяготеют они к местам, выросшим как узлы управления крупными державами и «мирами-империями» [Бродель, 1992; Валлерстайн, 2001]. Эти места принято считать глобальными городами.

В книге о «новом кризисе городов» американский экономист и географ Р. Флорида также использует термин «супергород», однако рассматривает его с точки зрения экономических и технологических успехов. Его подход отличает американоцентричность. К супергородам он относит шесть городов – Лондон, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Бостон, Вашингтон и Сан-Диего, ко-

которые привлекают почти половину всех мировых венчурных инвестиций в высокие технологии [Флорида, 2018].

Термин «информационные города» связан с исследованием роли важнейших информационных центров глобального уровня. Появление глобальных городов предшествовало массовому распространению в последнее десятилетие умных городов. Вместе с тем, как полагают специалисты, не всегда наблюдается совпадение «умных» и глобальных городов [Moving cities..., 2018; Falco, 2019]. В литературе можно также встретить термин «медийный город» как современный город, в формировании архитектурного и социального пространства которого важную роль играют медийные технологии [Маккуайр, 2014, с. 10].

Некоторые эксперты из разнородной группы крупнейших городов в самостоятельную группу выделяют мегаполисы. Этим словом обозначают города, население которых составляет свыше 1 млн, а чаще – 10 млн человек. В научном сообществе географов и урбанистов это понятие считается «журналистским». В 2019 г. в России вышла коллективная научная монография, посвященная междисциплинарному исследованию процессов, происходящих в крупных городах [Человек в мегаполисе..., 2019]. В ней рассмотрены крупнейшие города мира, в том числе мировые и глобальные, а также города-миллионники РФ.

Есть и другое понятие – мегалополисы. Под мегалополисом подразумевается одна из крупных форм расселения, когда сливаются несколько агломераций. Яркие примеры мегалополисов: БосВаш (Бостон – Вашингтон, округ Колумбия), СанСан (Сан-Франциско – Сан-Диего), «Великие озера» в США, Нижне-рейнско-Рурский и Английский мегалополисы в Европе, Центральнорусский мегалополис (Москва – Нижний Новгород) как формирующийся в России. Однако в отечественной науке это понятие не прижилось.

В настоящее время учеными широко используется понятие «глобальный город». Термин возник в постиндустриальную эпоху, по времени совпавшую с очередной волной глобализации¹. В усло-

---

¹ По мнению многих ученых, зарождение глобальной экономики произошло в момент промышленной революции (сер. XIX в.), в результате которой впервые зародилась британская фабричная индустрия [Синцеров, 2000; Шишков, 2009]. К началу XX в. значительно возросли объемы мировой торговли, развитие международного разделения труда изменило мировое хозяйство. Однако в годы Первой мировой войны произошел упадок системы свободной торговли, а ее

виях глобализации таможенные барьеры ослабли, в мировой экономике стал править транснациональный капитал. В свою очередь информационная революция облегчила оперативное управление бизнесом.

С появлением ГГ начался новейший этап урбанизации. Тем не менее далеко не все крупнейшие города имеют черты и свойства глобальных городов – мировых центров глобальной, постиндустриальной, информационной экономики. Это несовпадение существенно. В урбанистике в целом отмечается тенденция все более четкого разделения ее объектов и таксонов (таксон – единица классификации, совокупность любых связанных объектов по определенным свойствам и признакам), классифицируемых по количественным критериям (людности) и качественным, функциональным. Для географии особенно важно то, что в первом случае развитие вслед за общим процессом урбанизации шло по пути территориального расширения таксономических единиц, вплоть до глобальных городов – групп или поясов крупногородских агломераций, растянутых на сотни километров. Во втором случае имел место обратный процесс избирательного фокусирования, выделения глобальных командных центров из многих кандидатов (не важно, в рамках мировых городов или вне их). По мнению некоторых российских урбанистов, глобальные города – это «новая мировая география центральности» [Власова, Костинский, Одессер, 1988].

Основоположник термина «глобальный город» неизвестен. В статье, опубликованной в 1983 г., американский социолог и активист Р. Росс и американский политолог и философ К. Тракте рассматривают концепцию глобального города с позиции размещения в нем командных центров принятия финансовых и управленческих решений, а также концентрации штаб-квартир ведущих банков и транснациональных корпораций [Ross, Trachte, 1983]. Вероятно, именно они первыми предложили использовать термин «глобальный город». Они пишут: «Называемые “мировыми городами”, или “столицами”, или, как мы предпочитаем говорить,

---

восстановление после войны усложнилось нестабильностью мировой финансовой системы. Вторая мировая война также способствовала разрыву экономических связей. Вторая волна глобализации напрямую связана с формированием нового международного разделения труда, информационной революцией, развитием и удешевлением транспортных расходов, либерализацией экономики [Географическое положение..., 2012].

“глобальными городами”, такие города – это институциональные вершины распределения ресурсов по всему миру... В них также сконцентрировано производство культурных ценностей, которые связывают глобальный капитализм в сеть материальной и символической иерархии и... взаимозависимости» [Ross, Trachte, 1983, p. 393]. В качестве глобальных городов исследователями рассматривались Нью-Йорк, Лондон и Токио. Кроме наличия в ГГ штаб-квартир ТНК авторы не упоминают о других различиях между глобальным и мировым городом. В схожей манере глобальные города анализировали американский философ, теоретик культуры и политолог М. Шапиро и политолог Д. Нойбауэр в 1989 г. [Shapiro, Neubauer, 1989].

Согласно сложившемуся в научном сообществе мнению, термин «глобальный город» предложила С. Сассен в 1991 г. Она популяризировала и ввела это понятие в научный оборот, именно поэтому оно ассоциируется с ее именем. Глобальными городами Сассен считала Нью-Йорк, Лондон и Токио. В книге 1991 г. Сассен сформулировала теорию глобального города. В ней она предложила характеристики, которые отличают ГГ, в том числе:

- 1) вовлечение ГГ в сеть экономической деятельности;
- 2) экономические операции фирмы и усложнение ее функций;
- 3) тенденция к размещению специализированных сервисных компаний в крупных и крупнейших центрах;
- 4) наличие сложных, нестандартных функций, что помогает упростить выбор размещения штаб-квартир корпораций: их количество – это как раз то, что отличает ГГ от мирового города;
- 5) наличие в ГГ глобальных сетей, филиалов и других форм межфирменного сотрудничества, способствующих развитию рынков разного масштаба;
- 6) усиливающееся территориальное и социально-экономическое неравенство внутри ГГ;
- 7) возрастающая «информатизация» всей экономической деятельности [Sassen, 1994].

Итак, с точки зрения Сассен, специфика и особенности глобального города прежде всего связаны с его функциями и местом в глобальной экономике. Изучение литературы [например, Abrahamson, 2004; Перцик, 1999; Перцик, 2013; Clark, 2016; Флорида, 2018; Слука, Ткаченко, 2019 и др.] позволяет выделить и другие базовые характеристики глобального города:

– величина города (численность населения, хотя этот признак становится менее важным);

- развитая сфера деловых услуг; роль глобального делового и финансового центра;
- значение в качестве глобального информационного центра;
- развитая сеть информационных услуг;
- исполнение функций национального и мирового политического центра; концентрация правительственных организаций;
- наличие международных организаций и значимость международных функций; концентрация штаб-квартир транснациональных компаний и офисов крупных международных компаний;
- роль в качестве центра национальной и мировой торговли, а также центра потребления как предметов роскоши, так и товаров массового потребления;
- место, в котором сконцентрированы высококвалифицированные виды деятельности;
- центр культуры и искусства;
- роль крупного международного транспортного узла.

К этому следует добавить еще одну особенность, отличающую функционирование глобальных городов. На протяжении истории города развивались под влиянием внутристрановых социально-экономических факторов, большую роль в их развитии играла государственная политика. С включением стран и национальных сообществ в процесс глобализации города стали развиваться под влиянием внешних факторов.

Некоторые признаки мирового и глобального города совпадают. Однако мировой город включает больше признаков, чем глобальный город, тем самым представляя собой многомерную, более масштабную категорию. Численный рост и возрастающая роль крупнейших городов в настоящее время осознаются как общемировые тенденции, которые отражают новый этап процесса урбанизации. Выше уже отмечалось, что в прошлом города оценивались в соответствии с численностью их населения. Отличительной чертой глобального города является не численность его населения, а то, что он служит одновременно центром национальной, международной и глобальной экономики. В нем концентрируются административные, производственные и менеджерские функции, сосредоточены влиятельные средства массовой информации.

В свою очередь современные крупные города, догоняющие глобальные города по масштабам и качеству инфраструктуры, вовлечены в глобальный урбанизационный процесс, и их статус определяется местоположением в глобальной иерархии. Зарубежные исследователи полагают, что глобальный город – это не

место, а сеть. Сетевой подход, разработанный М. Кастельсом, предполагает, что «сети конституируют новую социальную морфологию общества, и внедрение сетевой логики значительно модифицирует процессы и их результаты в культуре и политике» [Кастельс, 2000]. С этой точки зрения глобальный город – это пространство, объединяющее в единую сеть географически удаленные, но экономически тесно взаимодействующие между собой территории. Сетевой подход в исследовании ГГ связан с представлением о новой «центральности»¹. В новых условиях категория «центральности» превращается в понятие «глобальный город», которое подразумевает доминирующие центры глобальной экономики, культурной и идеологической власти [Крупнейшие транснациональные..., 2018; Пилька, Слука, Ткаченко, 2018; Слука, Карякин, Колясев, 2020].

С. Кёртис в своей работе «Глобальные города и глобальный порядок» определяет глобальные города как «двигатели глобализации» [Curtis, 2017]. Глобальные города автор рассматривает как неотъемлемую часть трансформации мировой экономики в 1970-е годы. Города стали стимулом для «глобализации во времени», это узловые точки в глобальном потоке капитала. Вот почему некоторые из них приобрели принципиально новое качество, открывшись для мировых потоков товаров, капитала, рабочей силы, диффузии инноваций, информации, технологий. Они стали центрами притяжения и ключевыми местами базирования финансовых и специализированных сервисных фирм, рынков сбыта товаров и услуг [Abrahamson, 2004; Хватов, 2015; Barnes, 2017; Долгова, 2017; Крупнейшие транснациональные..., 2018].

К глобальным городам принято относить Нью-Йорк, Лондон, Париж и Сингапур. Они привлекают самые успешные мировые компании, которые стремятся обосноваться в этих городах, талантливых специалистов, масштабные инвестиции [Global urban analysis..., 2011; Кузнецов, 2016; Pooch, 2016; Learning from the East..., 2018]. По мнению некоторых исследователей, эти города обладают сочетанием таких факторов, как деловая активность, наличие человеческого капитала и культурного опыта, которые

---

¹ Теория иерархии городов была предложена в 1933 г. немецким географом Вальтером Кристаллером. Она получила название «теории центральных мест». Понятием «центральности» занимались различные исследователи, в том числе Фримен [Freeman, 1979].

способствуют процветанию организаций и людей [Godfrey, Zhou, 2013; Hesse, Mei-Ling Wong, 2019].

В науке выработаны критерии, позволяющие ранжировать глобальные города. Во-первых, это роль в развитии процесса транснационализации мировой экономики, которая определяется уровнем концентрации штаб-квартир крупнейших ТНК. С. Хаймер, канадский экономист, отмечал, что головные офисы ТНК «должны быть размещены вблизи крупного капитала, медиаструктур, правительства... для тесного контакта на высшем уровне принятия решений» [Hymer, 1970, p. 442]. Выделение глобальных городов по уровню присутствия офисов корпораций стало привычным в науке явлением и редко кем оспаривается. По наличию в городе представительств ТНК, занятых основными видами деловых услуг, экспертами британской Исследовательской группы изучения глобализации и мировых городов (GaWC Study Group) выделена сеть из 55 центров, разбитых на три серии или класса: Альфа (10 городов), Бета (10 городов) и Гамма (35). Во-вторых, участие ГГ в развитии сервисной постиндустриальной экономики, о чем писала Сассен. В работах «Глобальный город» и «Города в мировой экономике» 1991–1994 гг. [Sassen, 1991, 1994] ГГ предстают как «узлы» мировой экономики и специализированных деловых услуг, рынки их сбыта, очаги соответствующих инноваций. В ее работах Нью-Йорк, Лондон, Токио рассматриваются как ведущие в мире «кластеры» деловых услуг. Однако Сассен анализирует и сравнивает в своих работах в основном только Нью-Йорк, Лондон и Токио, уделяя недостаточно внимания связям между этими городами.

1.2. Урбанизационные процессы в условиях глобализации

Большинство исследователей глобализации фокусируют внимание на экономических, политических и демографических аспектах вступления в открытую экономику. Под урбанизацией обычно понимается исторический процесс развития городов, заключающийся в их росте, увеличении доли городского населения и распространении городского образа жизни [Гидденс, 1999, 2003; Шендрик, 2004; Florida, Gulden, Mellander, 2007; Стимулы, парадоксы..., 2015; Нефедова, Покровский, Трейвиш, 2015; Пилька, Слука, 2017; Крупнейшие транснациональные..., 2018; Алешковский, Кузовлев, Слука, 2019; Трейвиш, 2019 а].

Процессы урбанизации стали изучаться только в XX в., что можно объяснить ростом городов, увеличением миграционных потоков и ростом доли городского населения. Именно в это время появились современные крупнейшие города [Hirschman, Perez, 2010]. Однако нельзя ограничиваться пониманием урбанизации как процесса увеличения доли городского населения относительно сельского. Урбанизация – это явление намного более сложное, особенно если рассматривать его в масштабах современной глобализации.

Как отмечают исследователи процесса урбанизации, его временная протяженность имеет две фазы [Курасов, Трейвиш, 2009; Kratke, 2014; Sassen, 2018]. Первая фаза урбанизации – концентрация населения и рост городов, вторая – развитие «нецентральных» городов и территорий. Эпохой бурного развития урбанизационных процессов стал XX век. Города развивались под влиянием индустриализации, централизации и концентрации производства, капитала и населения в крупных промышленных центрах [Лаппо, 1997; Горкин, 2004; Смирнягин, 2012]. Со временем индустриальные центры превратились в крупные формы территориальной организации производительных сил и расселения – города и агломерации [Курасов, 2007; Слука, Ткаченко, 2019].

Со второй половины XX в. произошел переход к современной урбанизации, а сам урбанизационный процесс приобрел черты постиндустриальной модернизации. В ее основе – развитие сервисной экономики, а также использование новых информационных технологий и средств коммуникации; научное знание; постоянное возрастание всевозможных форм и видов услуг наряду с увеличением числа экономических субъектов в рамках глобальной экономики [McCord, Sachs, 2013; Пилька, Слука, 2017].

В XX в. рост городского населения и особенно населения больших городов, необычайно усилившийся в последние несколько десятилетий, во много раз превысил общий рост населения земного шара («демографический взрыв»). К 2000 г. население Земли достигло 6 млрд человек, из них в городах проживали 47,4%; в 2018 г. городское население превысило сельское и составило 55% населения планеты (более 4,3 млрд человек). По всем прогнозам, в ближайшие десятилетия городское население будет увеличиваться быстрее, чем сельское [World Urbanization Prospects., 2019]. Одновременно происходил рост числа больших городов, в том числе крупнейших, с числом жителей свыше 10 млн человек: в 1950 г. их насчитывалось 2, в 1994 г. – 22; в 2020 г. их число уже приближается к 40. Кроме того, «в 1950 г. из 30 самых крупных агломераций

20 располагались в Европе, Северной Америке, Японии» [Перцик, 2013, с. 13]. В XXI в. большинство самых населенных агломераций были размещены в развивающихся странах.

Важнейший процесс последних десятилетий – непрекращающийся рост доли населения именно крупнейших городов, а также снижение доли населения в городах до 1 млн жителей как в развитых, так и в развивающихся странах. Кроме того, заметно замедление роста населения городов в развитых странах, что связано с изменением в них демографической ситуации и уже достигнутым высоким уровнем урбанизации [Трейвиш, 2004; Стимулы, парадоксы..., 2015; Слука, Гречко, Пилька, 2016; Трейвиш, 2019 б]. Далее формы расселения меняются под воздействием процессов развития и концентрации производства, что приводит к сближению и срастанию агломераций и формированию крупнейших городов.

С начала 1970-х годов мощный и, казалось бы, необратимый процесс урбанизации начал приобретать сложный, «асимметричный» характер. В развивающихся странах он продолжал нарастать, в то время как в развитых странах замедлился и в целом мире приобрел сложный «асимметричный» характер: нарастающий по масштабам в развивающихся странах, где сохраняются прежние тенденции, и весьма своеобразный в развитых странах, где наметилось некоторое «растекание агломераций». Городские поселения на «неметрополитенских» пространствах, в особенности вокруг агломераций, разрастались. Одновременно с этим интенсивно развивались районы нового освоения (юг и запад в США и Франции) [Инвестиционные стратегии..., 2013; Крупнейшие транснациональные..., 2018]. Новое городское пространство отражало сдвиги, происходившие в национальной и мировой экономике. Развитие городских поселений на «неметрополитенских» пространствах, в особенности вокруг агломераций, наряду с интенсивным экономическим освоением новых районов стало следствием закрытия промышленных предприятий в крупных городах и переезда утративших работу рабочих и служащих в зоны, где стоимость жилья существенно ниже, чем в городе. Районами нового освоения становились зоны, в которых успешно развиваются новые технологии, сконцентрированы научно-исследовательские центры, университеты, высококвалифицированная рабочая сила.

Процесс современной урбанизации сложен и неоднозначен. Периодические призывы и усилия по реанимации городских центров (в том числе с учетом больших энергетических потерь при «расползании» городов) постепенно, возможно, будут стимулиро-

вать и в некоторых случаях уже стимулируют обратное перемещение населения в центры городов и прилегающие к ним городские зоны (этот процесс в науке получил название джентрификации от англ. *gentrification* – облагораживание района). В целом новейшие тенденции урбанизации противоречивы, а в разных странах и даже регионах одной страны урбанизационные тенденции нередко противоположны по своему содержанию, количественным характеристикам и географическому рисунку [Перчик, 1999].

В целом в различные периоды общественной жизни фактическое местоположение центров высокого уровня играло решающую роль в распределении богатства и власти в мире. Жизнь современных городов связана с важнейшими проблемами, сложившимися на рубеже нового третьего тысячелетия. Ведь крупные города – это точки пересечения основных макротенденций и их специфических пространственных форм. Город – это центр, где особенно четко проявляются: глобализация социального и экономического пространства; повышение роли телекоммуникаций и сетевых технологий; усиление культурных и политических инноваций. Каждая из перечисленных тенденций своеобразно отражается на жизни города.

Глобализация в последние четыре десятилетия определяла развитие городского пространства особенно в крупных городах, вовлеченных в мировые экономические и информационные потоки. В то же время можно говорить об урбанизации как о глобальном социальном процессе. Сущность урбанизации есть процесс роста городов, их роли в обществе и распространении городского образа жизни. Возникновение городов-гигантов – лишь часть процесса, одна из самых заметных и неоднозначных, в связи с концентрацией важнейших экономических, финансовых, политических функций в нескольких крупнейших мировых центрах. В той или иной мере глобализация отражается и на других поселениях стран, где возникли глобальные города.

Крупнейшие города выражают сущность процесса глобализации, становясь связующими звеньями мировой экономической и информационной сети. В рамках глобальной урбанизации утрачивается ощущение национальных границ, государства и национальные правительства теряют часть суверенитета, национальные системы городов разрушаются, поскольку отдельные города страны становятся частью глобальной городской системы. Применительно к городам главная особенность процесса глобализации состоит в том, что он приводит к огромному распространению и мобиль-

ности фирм и рынков, а также к территориальной концентрации в них ресурсов. Одновременно с этим глобализация оборачивается ростом социальной дифференциации внутри крупнейших городов, в которых возникает огромная пропасть между высокооплачиваемыми специалистами и остальным населением, часть которого живет за чертой бедности. Экспансия глобальных управленческих структур в глобальных городах ведет к расширению и резкому выделению деловых центров городов, притом что многие районы тех же самых городов нередко обречены на обнищание и деградацию инфраструктуры.

Так как система глобального города управляется в первую очередь логикой конкурентоспособности, то в локальном масштабе основные акторы – политические деятели, отдельные фирмы, деловые люди – стремятся получить доступ к дешевой рабочей силе и основным ресурсам [The city as a global., 2018]. А это ведет к формированию специфической социальной структуры глобальных городов, где бок о бок с элитами проживают социально-профессиональные группы, деятельность которых направлена на обслуживание высших слоев городского сообщества. Кроме этого, жизнь глобального города подчинена международному разделению труда и получению максимальной экономической выгоды [Sandoz, 2020]. Подобная стратегия способна изменить черты любого города в зависимости от доминирующих интересов. Сама жизнь города ставится под вопрос, поскольку она оказывается зависимой от рыночных сил и интересов властных структур. Таким образом, в городской среде в полной мере проявляется противоречие между глобальным и локальным. Города, вовлеченные в глобальные деловые и культурные сети, нередко не учитывают внутригородские, региональные и даже общенациональные проблемы, что приводит к маргинализации и деморализации значительной части местных сообществ.

1.3. Виды глобальных городов

1.3.1. Опорный каркас расселения

Преобладание *функционального подхода, основанного на выделении* фокусов отдельных отраслей глобальной постиндустриальной экономики, центров принятия ключевых для нее решений, их роли в мировом разделении труда, позволяет говорить

о выделении сети глобальных городов. Такая сеть явно напоминает представления отечественных географов – Н.Н. Баранского, Б.С. Хорева, И.М. Маергойза, Г.М. Лаппо, О.К. Кудрявцева, П.М. Поляна – об опорном каркасе расселения и хозяйства. Эта модель, господствующая многие десятилетия в советской, а позже в российской урбанистике, как и поиск любого другого аналога модели, позволяет выявить особые черты в развитии системы глобальных городов.

В советские времена у опорного каркаса была во многом промышленная трактовка, города часто рассматривались как промышленные узлы разного порядка. «Опорный каркас – воплощение взаимосвязи в территориальной организации хозяйства и населения, их взаимодействия, изучение которого столь важно для экономической и социальной географии, вследствие чего исследование опорного каркаса предстает как стержневое направление в нашей науке» [Лаппо, 1997, Полян, 2014]. Кроме того, в Российской Федерации наблюдаются диспропорции в распределении экономических потоков и концентрация населения и капитала в Москве и Московской области [Махрова, Нефедова, Трейвиш, 2013; Zubarevich, 2018; Зубаревич, Сафронов, 2019].

Согласно первой трактовке термина, в основе формирования опорного каркаса лежат важнейшие, общегосударственного значения процессы экономического и социального развития. В элементах опорного каркаса как бы аккумулируются их результаты. Однако со временем, по мере роста сервисных функций городов, их важности не только как производственных центров, но и как центров обслуживания определенной территории, соответствующей масштабу города, теория все больше трансформировалась в теорию центральных мест [Лаппо, 1997]. Г.М. Лаппо выделяет такую типологию городов, уже во многом основанную на выполнении городом сервисных функций по отношению к определенной территории. В основе данной концепции лежит представление лишь о российской системе расселения. Можно попытаться сравнить его с представлениями о глобальных городах разных рангов, т.е. выявить сходства и различия, указать признаки, общие для одних городов: столица, сосредоточивающая максимум уникальных функций обслуживания страны; центры экономических районов; центры субъектов РФ; межрайонные центры; районные центры; внутривнутрирайонные центры.

Глобальные города можно рассмотреть в виде некоего мирового каркаса расселения, А.И. Трейвиш назвал их «узлами опорного

каркаса современной глобализации» [Тревиш, 2004]. Например, если начать анализ с городов группы Альфа, то, без сомнения, они притягивают глобальные города более низкого ранга. Есть аналогия с опорным каркасом расселения и по пространственной неравномерности. Только страны со зрелой урбанизацией, подобно сравнительно развитым районам одной страны, но на качественно ином уровне, могут иметь два или больше глобальных городов на своей территории [Курасов, 2007; Курасов, Тревиш, 2009].

Но несмотря на сложившуюся иерархичную сеть, по мнению некоторых авторов, глобальные города свидетельствуют о разрывах мирового пространства в терминах времени и развития. По мнению П. Нокса и С. Пинча [Knox, Pinch, 2009], это фокусы «быстрого» мира (близкого даже численно к «золотому» миллиарду) и антиподы «медленного» мира сельского застоя, промышленной депрессии или трущоб. Их развитие может рассматриваться как локомотив роста для остальной системы расселения, но может стать основой дополнительной поляризации. Поэтому очень важно изучать факторы формирования именно сети глобальных городов, их влияние на развитие отдельных регионов мира и в целом на мировое хозяйство.

В основе концепции опорного каркаса лежит выделение узловых (города или агломерации) и линейных элементов, их связывающих (магистраль, полимагистраль) [Лаппо, 1997]. И если можно трактовать глобальные города как узлы каркаса современной глобальной экономики, формирующие и контролируемые важнейшие для нее потоки, то, с одной стороны, можно применять для изучения методы исследования опорного каркаса расселения России, с другой – для прогноза развития сети наших городов можно использовать закономерности, выявленные при исследовании глобальных городов.

На современном этапе при функциональном подходе центры принятия ключевых для постиндустриальной экономики решений (центральность) и размер взаимосвязаны. Отраслевым центром мирового класса может стать город любого размера с уникальной клиникой, курортом, банком, университетом и необязательно центр даже своего района. Однако малый город вряд ли способен управлять глобальной экономикой. Именно такой функциональный подход и позволяет выявить не столько набор глобальных городов, сколько их сеть, распределение функций между отдельными типами и уровнями внутри сети. Вероятно, в изменении

функциональной структуры и заложен основной потенциал роста (развития) сети глобальных городов.

Из особенностей функционального подхода к выделению не просто набора глобальных городов, а скорее иерархии их в мировой урбанизационной и экономической системе разные авторы выделяют признаки глобальных городов, формируют способы их ранжировки и анализа. На основе выделения признаков можно определить те, которые исторически предопределили формирование современной сети глобальных городов. Среди них: численность населения; роль ТНК; статистические показатели; показатели финансовой и транспортной деятельности, а также функции резиденций международных органов; интернационализация и концентрация деловых услуг.

1. **Численность населения.** Для геоурбанистики, как уже отмечалось, показатель численности населения городов всегда является ключевым. С давних пор он отражал значение города на национальных и международной аренах. Чем больше населения имел город, тем солиднее бывал его экономический вес, разностороннее развитие. В современной концепции глобальных городов число их жителей играет куда меньшую роль. Развитие процесса урбанизации привело к формированию «вершин национальных пирамид расселения», а процессы глобализации, одной из первых движущих сил которых стали ТНК, создававшие в этих «вершинах» свои штаб-квартиры, начали определять международный статус городов. Это показывает и взрывной рост крупнейших городов «третьего мира», где урбанизация часто представляла собой количественный процесс без распространения городского образа жизни на окраинах агломераций.

2. В качестве ключевого признака также выделяется **роль ТНК**, которые координируют свою деятельность из штаб-квартир, расположенных в глобальных городах. В 1966 г. геоурбанист П. Холл учел и размещение штаб-квартир международных корпораций, С. Хаймер инициировал «экономический поворот», отводя ключевую роль ТНК, головные офисы которых «должны быть размещены вблизи крупного капитала, медиаструктур, правительства... для тесного контакта на высших уровнях принятия решений» [Humer, 1970, p. 442]. Выделение глобальных городов по показателю сети офисов корпораций стало нормой в научных исследованиях, хотя сам Хаймер еще делал упор на политические столицы крупных и влиятельных стран: Нью-Йорк, Лондон, Париж, Токио, Москву, Пекин.

3. Еще один показатель – **валовой продукт в абсолютном или душевом исчислении** – это обычный показатель экономической мощи стран и районов. В официальной статистике такого показателя не существует для городов (агломераций), хотя его оценки все чаще встречаются в научных публикациях. У агломераций-лидеров душевой показатель, как правило, выше, чем у страны в целом, потому что это средоточие прибыльных отраслей, предприятий и лиц с высокими доходами. Иначе говоря, для анализа глобальных городов более важным представляется размер ВВП в абсолютном исчислении, отражающий значимость города как экономического центра. Недаром многие крупные агломерации производят добавленной стоимости больше, чем иные государства. Такие мощные центры, безусловно, играют весомую роль в мировой экономике [Капралов, 2008; Слука, Ткаченко, 2019].

4. По мере того как роль глобальных городов усложнялась и они занимали все большее место в международном разделении труда, в число признаков их выделения включались **финансовые и транспортные функции, а также функции резиденций международных органов**. По этим показателям список ГГ возглавили Токио, Лондон и Нью-Йорк (хотя компании США были исключены из анализа), за ними шли Осака, Рейн-Рур, Чикаго, Париж, Франкфурт-на-Майне и Цюрих. Глобальные города у Дж. Фридмана – это финансовые и промышленные центры, резиденции ТНК, различных международных органов, транспортные узлы или просто крупные города. Столь широкий подход встретил критику, в частности английских исследователей экономиста Дж. Биверстока и географа П. Тейлора, из-за эклектики и «плавающих» признаков, не дающих однозначного результата [Beaverstock, Smith, Taylor, 1999; Taylor, 2001, 2004; Смирнягин, 2012; Beaverstock, Faulconbridge, Hall, 2014]. К тому же Фридман делил ГГ на собственно глобальные (Лондон и др.), международные (Майами), национальные (Париж) и региональные (Осака), за что коллеги его также упрекали в нелогичности.

К настоящему времени, несмотря на различные оценки, критику и многочисленные исследования, предлагающие развитие концепции опорного каркаса расселения, выделена сеть городов, разбитых на три серии или класса: *Альфа* (крупнейшие центры), *Бета* и *Гамма* по наличию в городе ТНК, занятых четырьмя видами деловых услуг, и их представительств. Сеть ГГ была создана британскими экспертами из Исследовательской группы изучения глобализации и мировых городов (GaWC Study Group) Универси-

тета Лафборо во главе с П. Тейлором. В целом она схожа с другими системами ранжирования и включает большинство городов, фигурировавших в списках предшественников.

4.1. Международные центры финансовых услуг. Этот подход параллелен функциональному подходу и особо определял их позиции в финансовой сфере. Г. Рид [Reed, 1981] путем анализа девяти банковских и связанных с ними культурных, экономико-географических, политических показателей 76 городов в 40 странах определил пятиуровневую таксономию мировых финансовых центров на 1980 г.: уникальный сверхцентр Лондон; сверхцентры первого (Нью-Йорк, Токио) и второго порядка (Амстердам и др.); просто международные финансовые (29 городов) и такие же центры второго порядка (39). Роль Лондона, Нью-Йорка и Токио как финансовых суперцентров подтверждалась не раз. Так, в 1998 г. журнал «The Economist» в анализе под заголовком «Столицы капиталов» (Capitals of Capitals) выявил дальнейшее усиление различий между главными центрами (та же тройка плюс Гонконг, Париж, Франкфурт и Сингапур) и остальными, включая Чикаго, Цюрих и Сидней [Курасов, Трейвиш, 2009].

4.2. Интернационализация и концентрация деловых услуг. Этот критерий, выделяющий роль городов в ходе развития именно сервисной постиндустриальной экономики, заложила С. Сассен [Sassen, 1991, 1994]. Они предстают как узлы мировой экономики и специализированных деловых услуг, рынки их сбыта, очаги соответствующих инноваций. С. Сассен опирается на два фактора, по ее мнению, тесно связанных: глобализацию экономики и постиндустриальное развитие сервисного сектора. Его рост, специализация и концентрация сами по себе порождают ГГ. Тяготение к ним различных бизнес-услуг С. Сассен объясняет обилием клиентов: штабов других ТНК, правительственных и неправительственных организаций, т.е. агломерационным эффектом. Ее работы посвящены триаде глобальных сверхцентров (Нью-Йорку, Лондону, Токио) как типичных «кластеров» деловых услуг.

На смену простого выделения концентрации деловых услуг в городах как таковой к концу XX в. западные авторы стали уже более обоснованно отделять **глобальные центры**. Именно этот этап завершился созданием экспертами Группы изучения глобализации и глобальных городов (GaWC) во главе с П. Тейлором сети ГГ путем анализа деловых услуг четырех типов: бухгалтерских (счетно-коммерческих), банковских, юридических и рекламных. В сущности, это та же идея С. Сассен: города выступают здесь

как центры постиндустриальной экономики и резиденции сервисных компаний, проникших во многие страны и города. Выбор компаний составил первый этап процедуры выделения сети. Второй этап – определение центров каждого из четырех секторов услуг по наличию в городе их штаб-квартир и (или) представительств. Третий этап – обобщение и ранжировка глобальных городов [Taylor, 2005; Курасов, Трейвиш, 2009; Sassen, 2018].

Разные типы услуг имеют свою специфику. Бухгалтерские услуги весьма централизованы. Из шести мировых фирм эксперты выбрали пять, а из всех городов – 78 таких, где не менее двух фирм имели по два и более представительств. В 13 городах действовали все пять фирм и их отнесли к ведущим (кроме явных лидеров, это Атланта и Дюссельдорф); 38 городов с тремя-четырьмя фирмами – к крупнейшим; 27 с двумя фирмами – к прочим (тут много не самых крупных городов Европы: Орхус, Гётеборг, Лилль и др.).

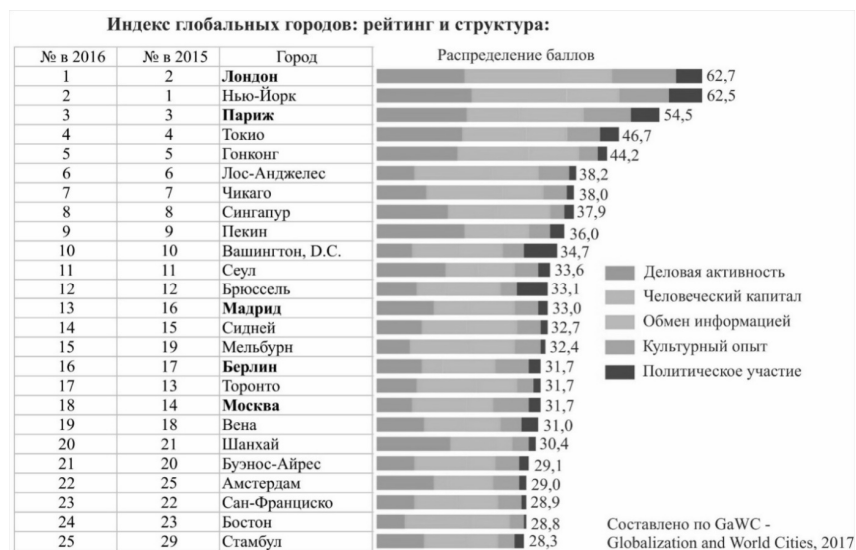
Рекламный сектор, как выявило исследование, монополизирован слабее. Эксперты GaWC по списку 50 компаний выделили восемь ведущих центров (в том числе Токио, Осаку и Сеул в Азии; в США к имеющимся центрам добавился Миннеаполис). Среди ведущих финансовых центров были названы Франкфурт, Милан, Цюрих, Гонконг, Сан-Франциско. В других категориях – это обычно столицы стран среднего уровня развития, где сосредоточены и банки, и рекламные агентства (Афины, Будапешт, Варшава, Бангкок, Тель-Авив). Для юридических услуг типична тесная связь с политикой и столичностью. В рейтинге ведущих юридических центров Брюссель и Вашингтон, в этот список также вошли столицы Восточной Европы, где в ходе приватизации получили прописку многие известные юридические фирмы. Москва также вошла в число 11 ведущих центров юридических услуг.

В итоге группа GaWC предложила список современных глобальных городов, который стал широко использоваться. Всего в него вошли 122 города, из них 55 – сложившиеся ГГ. Для каждого получена сумма баллов из расчета: 3 балла для ведущего центра в одном секторе услуг, 2 – для крупнейшего, 1 – для второстепенного. Поскольку секторов четыре, «баллы глобальности» варьируют от 1 до 12.

При ранжировании ГГ эти критерии дополнены логическими (рис. 1). Город с 10 баллами и более должен быть глобальным центром всех четырех видов услуг и ведущим, как минимум, в двух видах услуг. Десять городов, отвечающих этим требованиям, считаются городами *серии (класса) Альфа*: четыре европейских, по три

представителя США и Тихоокеанской Азии. Город с 7–9 баллами должен входить в три списка из четырех, будучи ведущим или крупнейшим в двух. Десять городов *серии Бета* представляют ту же триаду мегацентров, однако в этом списке появляются города из периферийных зон (Сидней, Торонто, Мехико, плюс Москва и Сан-Паулу). Города с 4–6 баллами относятся к *серии Гамма*. Все они должны быть глобальными центрами хотя бы в двух секторах и хотя бы однажды – крупнейшими. Это 35 городов в тех же регионах мира, а также три южноамериканских и африканский Йоханнесбург. Ни один центр Южной Азии и Ближнего Востока в список не вошел¹.

Глобальные города следует рассматривать как успешную реализацию «политической философии свободного рынка», который был выстроен в мировых масштабах [Curtis, 2019]. Историческая трансформация городской среды, о которой свидетельствует концепция «глобального города», тесно связана с неолиберальной перестройкой мировой экономики, начавшейся в 1970-е годы и подкрепленной гегемонистской властью США, пишут Кёртис и Акато [Curtis, Acuto, 2018].

Рис. 1. Рейтинг и структура глобальных городов

¹ Стамбул считается европейским городом.

За время изучения глобальных городов западные авторы выделили в этом качестве 79 наименований. Почти все эксперты называют глобальными Лондон, Париж, Нью-Йорк и Токио. Эти города представляют экономические мегацентры мира, главные «арены глобализации»: Западную Европу, Северную Америку и Тихоокеанскую Азию. За ними по частоте упоминаний следуют Франкфурт, Цюрих, Лос-Анджелес, Чикаго, Гонконг, Сидней, Торонто, а также Сан-Паулу. Вместе с тем в список попали 25 городов, которые были упомянуты единожды в силу пристрастия эксперта к месту либо к услуге определенного профиля (Люксембург и Панама как финансовые центры и т.п.). Отсюда спорность глобальных городов нижних уровней иерархии и их отделения от «неглобальных» городов. Это еще раз позволяет провести параллель между системой опорного каркаса расселения и системой глобальных городов. На нижних уровнях системы опорного каркаса города выделяются по некоторым признакам обслуживаемой ими зоны из нескольких административных районов (о чем будет сказано ниже), но эта система признаков разными авторами рассматривается по-разному и сильно меняется во времени, например, при сокращении миграций в центры услуг в кризисный период.

1.3.2. Специфика глобальных городов-столиц

Особый интерес для исследователя представляют главные города Европы как старейшие, имеющие богатую историю и пережившие за свою многовековую историю многочисленные изменения. Многие столицы давно выделялись как крупные города *особого типа*, обладающие большим влиянием. Прежде всего это центры бывших империй – Лондон, Париж, Берлин, Вена, первыми включенные в число глобальных городов [Geddes, 1915]. Ключевые столицы Европы как глобальные города обладают важными преимуществами, но провоцирующими социальную стратификацию, по мнению американского профессора экономики Дж. Фридмана [Friedmann, 1986]:

- 1) интеграция в мировую экономику влияет на внутригородские структуры;
- 2) глобальный бизнес превращает их в свои центры, влияет на динамику экономики, состав и занятость населения;
- 3) такие города служат местами накопления капитала;
- 4) притягивают потоки внутренних и международных мигрантов;

5) они характеризуются социально-территориальной поляризацией населения;

6) рост городов ведет к превышению социальных издержек над финансовыми возможностями государств, так как цена глобального статуса всегда высока.

Столицы и глобальные города различны по размеру и значению, их место в мировой и национальной иерархии в ходе истории не раз менялось. Яркий тому пример – Берлин. Как видно из перечисленного, особенности глобальных городов-столиц в основе своей повторяют уже известные нам характеристики ГГ. При этом отличительной особенностью столиц является дифференциация городского пространства, социальное расслоение и миграционная привлекательность указанных территорий. Применительно к ним важны не столько концентрация населения, сколько *оборот трудовых ресурсов*, переселенческих и временных миграций. Растет обмен населением между столицами – глобальными городами, они становятся центрами управления миграцией. К примеру, в Лондоне годовой оборот внешней и внутренней миграции достигает 710–730 тыс. человек, в нем задействован почти каждый десятый житель столицы. Подобные города выделяются объемом ВВП и уровнем доходов. По многим признакам Лондон лидирует в мире как финансовый центр с 70% мировой торговли международными облигациями, до 50 – акциями, 32 – оборота мирового валютного рынка, 20% – международных банковских кредитов [UK Economic Outlook..., 2007]. «Экономика знаний» вместе с коммуникативной ролью глобальных городов стимулирует их развитие как очагов массовой культуры, медиаиндустрии, индустрии развлечений и др.

В Европе, как везде, выделяются города с полным набором глобальных функций¹ (Лондон, Париж) и такие, где представлены не все функции или их много, но не все они глобальные. Из десяти российских компаний списка топ-500, составленного РБК, восемь, начиная с «Газпрома», имели штаб-квартиры в Москве [РБК 500, 2019]. Однако три лидера списка вели основную, добывающую деятельность за ее пределами и входят в первую сотню компаний из рейтинга Fortune-500 [Global 500, 2019]. Столичные и глобальные города – крупные *авиаузлы*. При всей широте связей велика доля взаимобмена между городами-аналогами.

---

¹ Согласно сети исследований глобализации и мировых городов (GaWC, Globalization and world cities Research Network) [Globalization and world cities].

Фактора столичности, особенно если речь идет о Германии и Испании, недостаточно, чтобы город стал глобальным. Важнее влияние на геополитические процессы через штаб-квартиры международных организаций, включая неправительственные. По их числу в Европе выделяются Брюссель и Лондон. Тем не менее столицам по многим причинам, включая исторические, легче стать мировыми центрами или ГГ. До 50% из них, выделявшихся группой GaWC, были столицами де-юре; 8–14% – крупнейшими городами своих стран без столичного статуса. Среди центров высшей серии (класса) Альфа национальных лидеров больше – около 2/3 [Lynch, 1960; Smith, Williams, 1986; King, 1991; Beaverstock, Smith, Taylor, 1999; Smith, 2002; Treivish, Zotova M.V., Savchuk, 2014 и др.]. Для Европы (кроме Германии, Швейцарии, Нидерландов, Италии) характерно совпадение столиц и главных, высокоранговых глобальных городов.

Кроме типовых функций, столичному, мировому и глобальному городу – именно как городу – присущи качества и проблемы, прямо или косвенно вытекающие из этих функций.

1. Повышенные требования к образу и облику, наличие престижных, удобных для международного бизнеса и органов власти центральных деловых районов (ЦДР), обычно с импозантной застройкой и минимумом проживающего в районе населения.

2. Концентрация престижного и массового потребления, а с ним торговли, в том числе землеемкой, соперничающей с промышленной и жилой застройкой.

3. Транспортные проблемы на внутри- и межгородских магистралях, на стыках видов транспорта и логистики разной дальности: пересадочных узлов, таможенных и сортировочных пунктов, переполнение метро, аэропортов.

4. Обилие приезжих, включая временных и иностранных рабочих, что придает городу черты полиэтнического, социально контрастного, усложняет жизнь, сообщая ей ускоренный ритм. Уплотнение городской среды, ее нагрузка объектами и людьми, не всегда ладящими друг с другом, ведут к росту цен на недвижимость.

5. Неизбежность социально-экономических диспропорций и конфликтов, расслоения населения и пространства города. К ним добавляются и их усложняют проблемы социального, национально-этнического и экологического характера.

Все большие города – сложные системы, а ГГ являются еще и весьма динамичными структурами. В последние десятилетия в них развивались новые процессы. Так, на смену дезурбанизации

и оттоку жителей в конце индустриальной эпохи происходила *постиндустриальная ревитализация городов, преодолевших демографический кризис*. При этом усилилась роль *международной миграции* в их развитии, этнорелигиозная пестрота населения. В Лондоне выделяемые там этнические меньшинства в 1998 г. составляли 26% населения, а к 2004 г. в Большом Лондоне – более 40%. В регионе Иль-де-Франс лиц, рожденных вне страны, за пять лет стало больше на 300 тыс., в 2005 г. они составили до 20% жителей [Капралов, 2008, с. 56]. В глобальных городах *высока концентрация элитных слоев*. В Большом Париже проживает почти половина топ-менеджеров французского частного сектора и высших чиновников, треть управленцев среднего звена, четверть ведущих профессоров и ученых [Малахов, 2014, с. 210].

Наряду с этим для глобальных городов характерна *поляризация труда*, связанная как со спросом на квалифицированных специалистов, так и на низкооплачиваемых работников без карьерных амбиций (хотя сбои в работе социальных лифтов ведут к протестам и волнениям). Перестройка экономики меняет состав занятых в пользу сектора услуг, строительства, коммуникаций за счет промышленности. На развитие крупнейших городов влияют оба компонента постиндустриального перехода – *к сервисной и информационной экономике*. Одни авторы [Горкин, 2004] не видят между ними противоречия, другие их находят: «...развитие информационной сферы легко сочетается с деинтеллектуализацией общества» [Курасов, Трейвиш, 2009].

Глобализация образа жизни ведет к «выпадению» городов-лидеров из национальной культурной среды (этнические кварталы, международные бренды и стандарты в торговле, питании, услугах, проектировании, строительстве), хотя на этот процесс можно взглянуть иначе – через призму расширения национальных культурных стандартов. Международный бизнес способствует *унификации пространственных структур*: глобальные города становятся похожими друг на друга. Но параллельно нарастают *расслоение районов города и недовольство гражданского общества* издержками глобализации.

Развитие элитных функций стимулирует *рост цен на жилую и коммерческую недвижимость*, джентрификацию исторических центров, вертикализацию пространства, его неоднородность, разрастание агломераций. Особые ареалы, кластеры объектов, выполняющих международные функции, по-разному размещаются в городе относительно его исторического ядра и границ, могут со-

седствовать с торговыми зонами, рядовыми и даже трущобными жилыми районами или находиться в стороне от них.

Именно *социальная дифференциация внутригородского пространства* становится общим вектором развития глобальных городов. В целом изучаемые города – это зеркало достижений и противоречий глобализации, расширяющих пропасть между элитами и простыми людьми, живущими в том же городе порой за чертой бедности.

2. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

2.1. Эволюция подходов к изучению социального пространства (СП)

«Социальное пространство – предельно широкое понятие, выражающее... все многообразие форм, способов, механизмов социального бытия (социальных связей и отношений, структур, институтов и процессов) в их целостной совокупности и исторической динамике», – так это понятие определяется в энциклопедическом издании «Идентичность: Личность, общество, политика» [Идентичность..., 2017, с. 489]. Немецкий философ и социолог Г. Зиммель, создатель учения о сущности и формах социального пространства, полагал, что пространство непосредственно связано с человеком, имеет границы и зоны своего влияния. Ученый рассматривал влияние на человека и общество того места, где они взаимодействуют между собой и становятся социальными акторами. Он писал о больших городах как местах, в которых особо проявляется духовность и индивидуальная свобода [Зиммель, 1996].

В наше время П. Бурдьё в книге «Социология социального пространства» определил социальное пространство как «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей, которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала» [Бурдьё, 2005, с. 16]. По мысли французского социолога, социальное пространство – это совокупность полей (экономическое поле, поле политики), в каждом из которых доминирует определенный вид капитала – экономический, политический, культурный, социальный, обладание которыми обеспечивает индивиду или группе лиц социальные преимущества [Бурдьё, 2005]. Именно благодаря Бурдьё понятие «социальное

пространство» вошло в научный дискурс и стало широко использоваться в общественных науках.

В географии пространство – главенствующая идея места, территории или ландшафта – основной предмет науки. Немецкий географ, один из основоположников немецкой социальной географии, В. Хартке, характеризовал пространство социальной географии как определение районов человеческой деятельности, которые имеют близкие ценности и нормы. Г. Бобек, австрийский географ, ставил целью изучение пространственного разграничения социальных классов и предложил классификацию социогеографических групп (подробнее см.: [Lichtenberger, 1995]). Ландшафт как пространственное расселение социальных групп используется урбанистами для решений в городском и региональном планировании. Этих взглядов придерживались К. Руперт, Ф. Шафер, они также разрабатывались франко-швейцарским архитектором Ле Корбюзье (подробнее см.: [Werlen, 1993]).

В противовес им немецкий географ Б. Верлен, представитель альтернативной социальной географии, попытался, как он сам писал, найти сочетание «социального» и «пространственного» факторов, «не впадая в пространственный фетишизм и не исключая пространственного измерения» [Верлен, 2001, с. 28]. В его работе пространственные проблемы всегда соотносятся с проблемами «единичного социального действия» [там же]. Он определял пространство как «систему координат для физических составляющих действия и обозначение для проблем и возможностей, относящихся к исполнению действия в физическом мире» [Werlen, 1993, p. 9–10]. И в этом смысле можно утверждать, что П. Бурдьё и Б. Верлен ставили перед собой схожие методологические и философские вопросы, связанные с определением структуры социального пространства, понимая его вне географических характеристик. С этим мнением солидарен британский социолог О. Гидденс, он пишет: «Размещение имеет только социальный смысл, и это очень важно, когда оно проходит через системы координат, ориентирующих поведение людей» (цит. по: [Верлен, 2001, с. 32]).

Категория экономического пространства долгое время экономической наукой не изучалась, а если и исследовалась, то преимущественно через призму теории размещения производства. Физическое, политическое, экономическое, социальное пространства – это пространства различных категорий и описываются науками по-разному. Концепция социоэкономического пространства должна включать общие методологические свойства, которые сов-

падают и едины для различных типологических состояний данной категории [Филиппов, 2000; Матвеев, 2011].

В настоящем обзоре под социальным пространством понимается пространство глобальных городов, в рамках которого действуют социальные акторы, реализуются социальные процессы, складываются общественные взаимодействия и связи.

2.2. Модели городского пространства в зарубежной и отечественной литературе

Большинство урбанистов и геоурбанистов считают город социальным феноменом и видят его как социально-пространственную систему, генерирующую модели неравного распределения жизненных благ. К жизненным благам в рамках этого представления прежде всего относится недвижимость и считается, что ее распределение формирует социальную структуру городского пространства. Есть и другая точка зрения, ее придерживаются ученые, полагающие, что уникальное в городе преобладает над типичным. Французский историк Ф. Бродель считал, что выстраивание типологий и классификаций применительно к городам бессмысленно, поскольку «какой город ни возьми, всюду увидишь иное социальное устройство со своими оригинальными чертами, своей судьбой, своей особостью...» [Бродель, 1994, с. 59].

Эволюцию подходов к анализу неоднородности городского и пригородного пространств можно проследить, начиная с работ И. фон Тюнена, основанных на роли земельной ренты. Ф. Бродель, в свою очередь, заметил, что модель Тюнена «не оставляет места внедрению и развитию промышленности» [Бродель, 1992, с. 31]. К известным моделям территориальных (планировочных) структур относятся: концентрическая – Э. Бёрджесса, секторальная – Х. Хойта, многоядерная – Ч. Харриса и Э. Ульмана. Собственную модель городского развития разработал Д. Форрестер. Варианты этих моделей заслуживают более подробного анализа.

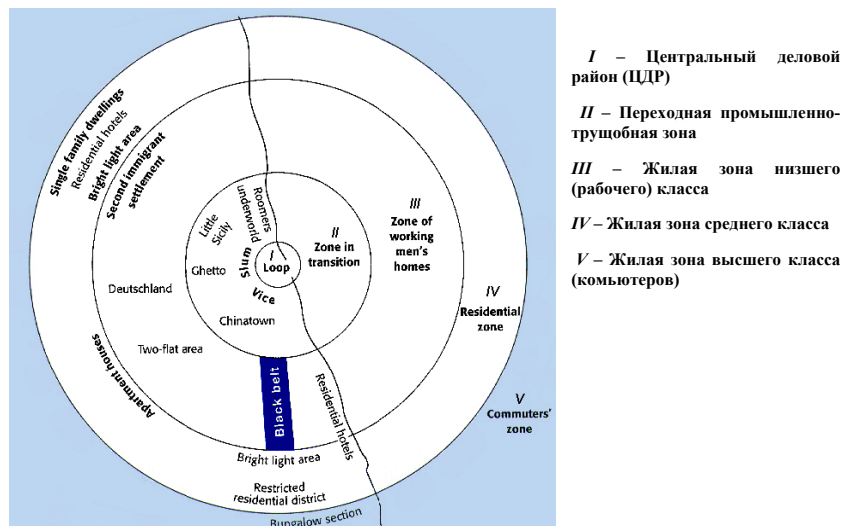
Модели территориальной организации городов и землепользования в основном исходят из *морфогенеза* их пространства, механизм и характер которого можно свести к следующим положениям:

– структуру города преобразуют действия частных лиц (особенно владельцев недвижимости), инвесторов (девелоперов) и городских властей (планировщиков);

– более всего изменчиво использование земель и зданий, которые меняют свое назначение, оставаясь физически неподвижными;

– наиболее устойчив к изменениям план города, его улицы и площади, их сеть и крупные планировочные единицы (например, пояса: внутренний, внешний, окраинный).

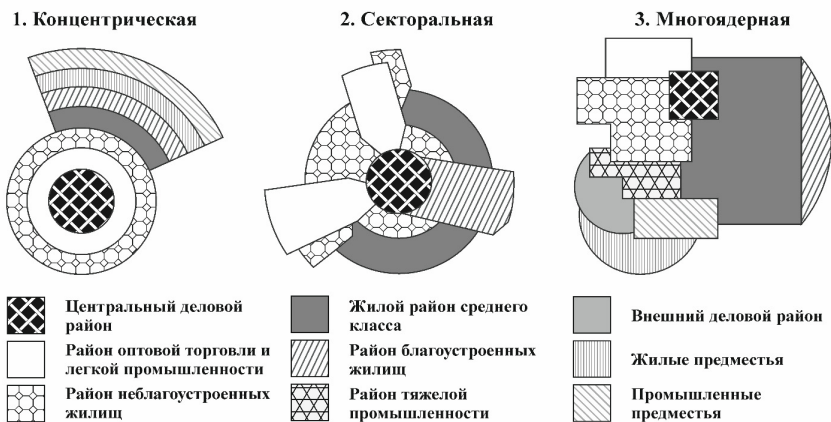
Концентрическую модель Э. Бёрджесс создал в 1925 г. на примере выделенных им пяти зон г. Чикаго. Столица Среднего Запада США стала излюбленным полигоном для микрогеографических исследований, так как после пожара 1871 г., уничтожившего старую хаотичную застройку, практически сложился новый город с той территориальной структурой, которая и позволила Бёрджессу выделить концентрические зоны вокруг Центрального делового района (ЦДР) (рис. 2). Дифференциация определяется спросом на жилье, который формируется населением. Расширение города объясняется прибытием новых волн иммигрантов. Зоны I–IV распределяются кольцами («цветные» – в зоне II, немцы – в зоне III, состоятельные американцы – в зоне IV). Распределение частной собственности и сегрегация у Бёрджесса не испытывают ограничений со стороны городского планирования.

Рис. 2. Схема концентрической модели города Чикаго по Э. Бёрджессу
Источник: [Knox, Pinch, 2009].

Модель Бёрджесса критиковали за излишнюю строгость и геометричность, не позволявшие ей реализоваться в чистом виде практически нигде, так как созданию пяти замкнутых колец препятствует рельеф местности. Концентрические зоны выделялись с помощью социологических методов (включенного наблюдения, глубинных интервью, опросов населения), тогда как анализ статистических показателей практически не проводился [Моделирование территориального развития..., 2007].

Другой моделью дифференциации городской территории стала **секторальная схема**, построенная Х. Хойтом [Hoyt, 1964] путем анализа цен на аренду жилья в 142 городах США. Она объясняла рост города не по кольцам, а по секторам по мере появления жилья для среднего класса на окраине. Сначала город развивается вокруг центра, а по мере его расширения наиболее состоятельные семьи селятся в привилегированных секторах. Со временем функциональные зоны и зоны расселения разных слоев меняются.

Рис. 3. Модели территориальной организации городов и использования земли в городе

Источник: [Моделирование территориального развития..., 2007].

В отличие от Бёрджесса, Хойт учитывал факторы, осложняющие идеальное развитие пространства города от ЦДР к периферии. Основная идея предложенной им модели – наличие полосы «высокой ренты», образующей некий луч, особенно выгодный в

силу определенных условий, в том числе чистоты городской среды. Основой луча обычно бывает транспортная артерия, причем лучи формируют как богатые кварталы, так и городские гетто (рис. 3-2). Например, железные дороги, определявшие размещение заводов на ранних стадиях индустриализации, становились осями концентрации бедного пролетарского населения. Интересно, что крупные автострады в городах США также окружены отнюдь не богатыми кварталами, поскольку в период бума автодорожного строительства (1930–1950-е годы) эти землеемкие сооружения с целью сокращения затрат на выкуп земли проектировались через самые бедные части городов [Мерфи, 1972]. Секторальные структуры в западных городах вообще встречаются чаще, чем концентрические. Это можно объяснить стремлением обеспеченных жителей не смешиваться с другими социальными группами, а кроме этого, иметь возможность расширять элитную застройку вовне. Но главное различие двух моделей состоит в том, что Бёрджесс уделял больше внимания анализу механизмов спроса на жилье со стороны мигрантов, тогда как Хойт – анализу механизмов предложения (строительство жилья для среднего класса на периферии).

Многоядерная модель, или модель множественных центров, принадлежит американским геоурбанистам Ч. Харрису и Э. Ульману [Harris, Ullman, 1945]. Главная особенность модели – отказ от положения о доминировании одного ЦДР в развитии города. На рисунке 3-3 кроме него показан еще один подобный район, внешний – так сказать, предтеча краевого города (edge city) известного современного автора Ж. Гарпо [Garreau, 1992]. Каждый центр специализирован на своей сфере деятельности, что накладывает отпечаток на окружающую его часть города. Причиной появления вторичных центров может быть объединение города с соседними городами; форсирование городом природной преграды либо формирование «в чистом поле» нового территориально-экономического пространства.

Указанная модель определяет характеристики полицентрического города: положение субцентров относительно транспортных магистралей и относительно друг друга, компромисс между экономико-географическим положением места и ценой земли. Положение объекта в городе определяется выгодным соотношением между его расположением в определенной части города и стоимостью аренды земли. Многоядерность характерна для многих западноевропейских городов. Варианты использования земли зависят от местных культурных особенностей, от контроля за рос-

том города и использованием земли. Яркий пример – объединение соседних городов вокруг Лондона в Большой Лондон и перепланировка города по плану британского архитектора и градостроителя Л. Аберкромби после Второй мировой войны [Askroyd, 2000], а также создание Большого Парижа.

Во второй половине XX в. появились новые разнородные факторы, влияющие на рост городов и социальные процессы в них: глобализация и развитие сервисно-информационной экономики, а также связанные с этими факторами деиндустриализация и децентрализация бизнеса; бум в развитии автотранспорта; уменьшение размеров домохозяйств; субурбанизация и распространение загородного образа жизни; возрастающее влияние на развитие города со стороны властей локального и национального уровней. В настоящее время города развиваются на основе всех трех базовых моделей. В свою очередь, исследователи рассматривают городскую среду как сложную систему через выделение трех групп социальных факторов, таких как: семейный и возрастной статус горожан; их имущественный статус (по концентрической модели Э. Бёрджесса); расовый фактор (наиболее соответствующий секторальной модели)¹.

Помимо описанных схем внутренней структуры города важную роль в эволюции подходов к изучению дифференциации городской среды сыграли работы Д. Форрестера. В них рассматривается динамическая модель города, представленного в виде множества подсистем. Три из них ключевые: деловая сфера, жилой фонд и население. Модель, прогнозирующая развитие города на основе информации о предшествующих изменениях, позволяет предсказывать динамику занятости населения, старение материальных фондов города и т.п. [Форрестер, 1974]. Надо учитывать, что такие модели весьма чувствительны к количеству и качеству исходной информации и при ее недостатке не всегда применимы.

Несомненный интерес представляет метод, предложенный британским автором К. Нолдом. Он исследовал особенности дифференциации городской среды через оценку «психологического климата городских территорий». запатентованная им технология *biomapping* позволяет при помощи датчиков следить за эмоциональным состоянием волонтеров, передвигающихся по территории городов. Учитывая изменения различных биометрических пара-

---

¹ Этот подход возможен в тех странах, где имеется этническая статистика. –
Прим. авт.

метров, приборы отмечают на карте города точки, где люди испытывают стресс и, наоборот, где они чувствуют себя комфортно [Nold, 2004].

В отечественной литературе эта проблема долгое время не рассматривалась, так как на протяжении большей части XX в. развитие советского города подчинялось стремлению к унификации городского пространства, к стиранию различий между районами. Процессы внутренней стратификации в городе продолжали протекать, но, в отличие от западных стран, до определенного момента игнорировались учеными.

Первые крупные работы в области микрогеографии советских городов, были осуществлены научной группой под руководством Ю.В. Медведкова и появились лишь в начале 1970-х годов. Они опирались как на качественный, так и на количественный анализ, в них широко использовалось математическое моделирование. В научный оборот было введено понятие городской среды. Наблюдалось стремление к сочетанию объективных, включая статистические, и субъективных данных для характеристики ячеек городского пространства. Список факторов в итоге отличался от классического американского [Барбаш, 1986]. При всплеске интереса к микрогеографии городов в 1980-х годах недостаточность статистики обусловила преобладание качественных исследований над количественными. Тем не менее велся поиск индикаторов, позволявших связать в единое целое *особенности образа жизни людей, их социальный статус и место их проживания*. Использовались главным образом социально-культурные и демографические показатели.

С началом экономических реформ в РФ этот подход отошел на второй план, так как в нем практически не учитывались экономические факторы. Реформы 1990-х годов запустили стоимостные механизмы развития городов; земля и жилье стали рыночным товаром, что привело к усилению сегментации городского пространства, остававшегося в советские годы довольно однородным. В последние 20 лет российские города столкнулись со многими проблемами западных городов: социальным расслоением, формированием деловых и торговых зон, кварталов для богатых и для бедных, появлением зон плотного заселения этническими группами. Некоторые из этих процессов в ослабленной форме наблюдались в российских городах и ранее, но в настоящее время они резко обозначились. На этом фоне исследователей все чаще стала инте-

ресовать реструктуризация российского городского пространства [Попов, 2007].

С 1990-х годов интерес к изучению городской среды на микроуровне был во многом связан с появлением рынка недвижимости, преимущественно жилья и, особенно, его вторичного рынка как индикатора перераспределения населения внутри города [Трубина, 2011, 2013; Махрова, Нефедова, Трейвиш, 2013; Махрова, 2014]. Появились работы, в которых анализировались роль экономических факторов в трансформации и дифференциации городской среды, стоимость земель, их использование, социальное расслоение и культурная поляризация [Вендина, 2009, 2012; Вендина, Паин, 2018]. В библиографическом обзоре [СССР–СНГ–Россия..., 2001], посвященном работам по социальной географии за 1980–1990-е годы, выделяются две волны роста внимания к вопросам внутригородской организации общества.

Первая из них пришлась на начало 1990-х годов и была связана с формированием рынка недвижимости. В этот период вырос интерес к дифференциации территории города по остроте экологических проблем, возникло новое направление исследований – электоральная микрогеография города, которая изучает общие территориальные особенности распределения политических предпочтений граждан, результатов выборов и иных голосований. Вторая волна пришлась на 1995–1996 гг., когда помимо анализа роли рынка в трансформации городской среды появились работы, касающиеся влияния информационного сектора экономики на внутригородские структуры, их адаптации к процессам глобализации, соотношения стоимости городских земель с приоритетами развития города, социального расслоения и поляризации населения [Вендина, 2009; Махрова, 2014]. Изданы работы по истории миграции, в том числе нелегальной и вынужденной, миграционному законодательству, этнокультурным особенностям иммигрантов [Иммиграционная политика..., 2002 и др.], а также об их влиянии на экономику, политику и демографию стран в целом и столичных агломераций в частности [Рязанцев, 2001]. Проблемы и последствия расселения иммигрантов в городах России пока изучены слабо. Часто упоминается, но редко учитывается опыт европейских стран (включая негативный) в плане регулирования миграционных процессов и смягчения их социальных последствий.

Среди теоретических разработок последнего десятилетия, затрагивающих динамику внутригородского пространства, следует отметить работы по пространственной организации мировых и

глобальных городов [Sassen, 1994, 2018; Шатило, 2018; Синцеров, 2019; Алешковский, Кузовлев, Слука, 2019; Song, 2020 и др.]. В них пространственная организация городской сети и каждого города в отдельности чаще всего рассматривается сквозь призму центрo-периферийной модели развития. В научной литературе подчеркивается, что основной характеристикой глобальных городов является *усиление полицентричности и мозаичности городского ландшафта*. Ведь внутри этих центров формируются территории, где концентрируются международные, деловые, политические функции и соответствующие объекты (офисы международных компаний и организаций, необходимая им инфраструктура), что ведет к повышению стоимости коммерческой и жилой недвижимости [Шатило, 2018].

3. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ

3.1. Изучение дифференциации городского пространства

В начале развития процесса глобализации существовало мнение, что глобализация позволит решить многие социальные проблемы, избавит мир от неравенства и сделает население планеты более обеспеченным. В реальности развитие ГГ сопровождалось ростом внутригородской социально-пространственной дифференциации. Степень социальной поляризации во многом зависит от проводимой властями политики, исторических традиций, активности и сплоченности гражданского общества. Рассмотрим, как процессы социальной поляризации пространства развивались внутри глобальных городов.

Социально-пространственное неравенство в европейских городах изучается многими исследователями. Несмотря на то что социальные различия в Западной Европе не так велики, как в США [Musterd, 2005; Prêteceille, 2009; Jaczewska, Grzegorzczuk, 2016; Bailey, Van Gent, Musterd, 2017; Catney, 2017], социальная дифференциация постоянно растет и на «старом» континенте [Social problems..., 1979; Kesteloot, 2005; Cassiers, Kesteloot, 2012; Gammage, Stevanovic, 2019; Irastorza, Bevelander, 2017; FitzGerald, 2020]. Это притом, что в европейских городах существует сильная муниципальная власть и активное гражданское общество [Cassiers, Kesteloot, 2012; Socio-economic segregation..., 2015]; проводится ак-

тивная социальная политика, успехи или неудачи которой зависят как от самой политики, так и от местных особенностей [Mingione, 2009; Kim, 2018; Dynamics of the population..., 2018].

Пространственные неравенства в ГГ намного сложнее и разнообразнее, чем просто различия между богатыми и бедными центрами и периферией. Глобальные города динамично развиваются, что особенно усложняет анализ существующих в них социальных различий [Häussermann, Naila, 2005; Cassiers, Kesteloot, 2012]. Социологи, политологи, экономисты чаще всего пишут о социальной дифференциации и поляризации. Географы, особенно в англосаксонских странах, говоря о росте социальных различий, используют понятие «сегрегация». Во французскую географическую науку этот термин пришел из США в 1970-е годы, однако популярным не стал. Терминологические различия, думается, не случайны. В США сегрегация имеет давнюю историю: до 1970-х годов черное население страны не обладало равными правами с белым населением, в особом положении находятся индейцы, проживающие на территории США. Другое важное отличие – в США и Великобритании существует статистика, учитывающая проживающих в этих странах этносов, тогда как во Франции такая статистика отсутствует. Пространственная сегрегация рассматривается учеными как распределение по территории различных социальных слоев населения. Если представители разных групп и социальных слоев равномерно распределены по территории, то считается, что сегрегация отсутствует. Чем больше отклонение от равномерного распределения, тем этот показатель выше [Johnston, Gregory, Smith, 1986; Socio-economic segregation..., 2015]. Пространственная сегрегация может проявляться между городами и их пригородами, между городскими кварталами или даже между жилыми домами в отдельно взятых районах [Uslaner, 2012; Meer Van der, Tolsma, 2014].

В литературе подчеркиваются негативные последствия пространственной сегрегации и концентрации, которые выражаются в ограничении возможностей людей в плане устройства на работу или доступа к социальным услугам. Кроме этого, сосредоточение безработных оказывает негативное влияние не только на них самих, но может сказаться на статусе района в целом [Putnam, 2007]. А низкий уровень образования и незнание языка страны проживания могут привести к обострению социальных проблем и маргинализации района. Взятые вместе эти факторы создают отрицательный образ территории, которая становится изолированно-маргинальной [Kempen Van, Şule Özüekren, 1998; Burgers, Musterd, 2002; Murie,

Musterd, 2004]. Так образуются этнические гетто в районе, где все жители принадлежат к одной этнической, расовой или религиозной группе. Часто у этих людей просто отсутствуют свободный выбор и возможность жить в другом месте.

Вместе с тем пространственная концентрация может иметь и свои преимущества. Благодаря физической близости единомышленников социальные контакты приводят к сохранению национального языка и культуры, которая не основывается на нормах и ценностях принимающего общества. Тесные горизонтальные связи помогают людям поддерживать друг друга в чужой для них стране. В ряде случаев обширные знания, умения и навыки позволяют конкретной группе людей или этносу приобрести конкурентные преимущества. В качестве примера можно привести китайскую диаспору Парижа, члены которой адаптировались к жизни во Франции прежде всего благодаря взаимной поддержке и сплоченности.

Концентрация и сегрегация по-разному объясняются в научной литературе. Ученые пишут об этнокультурном, территориальном, поведенческом, институциональном факторах. Фактор культурной дистанции порождает различные схемы проживания [Cross-cultural differences..., 2003]. К примеру, «белые» и «азиаты» имеют более сильные предпочтения в отношении соседства, чем латиноамериканцы и выходцы из Африки [Clark, 2003; Clark, Fossett, 2008; Clark, 2009; Toward a new social..., 2019]. Некоторые авторы пишут о том, что преобладающее большинство азиатов в Великобритании все еще вдохновлено «мифом о возвращении», поэтому они не заинтересованы в ассимиляции в британском обществе [Kempen Van, Şule Özüekren, 1998; Clark, 2009]. Большую роль в формировании поведения иммигрантов играют социальная политика и отношение к иностранцам в принимающей стране. Не случайно правовой статус иммигрантов и возможность получения социальных пособий влияют на их предпочтения в выборе места жительства и интеграцию в принимающее общество.

Большинство англоязычных исследований сосредоточено на определении вариативности уровней сегрегации во времени и пространстве. Географы используют особый показатель – индекс сегрегации, который рассчитывается для отдельных городов на определенный период, где каждый индекс показывает вариацию. После расчета можно получить представление об изменении модели сегрегации [James, Taeuber, 1985; Clotfelter, 1999]. Сегрегация бывает не только по расовому и этническому признакам, но и по

доходам, профессиям, образованию и другим социальным критериям. В самом простом варианте предполагается создание многоуровневой модели биномиального анализа интересующего показателя (например, доля жителей африканского происхождения или доля бедных детей в школе) [Goldstein, Jones et al., 2012; Dewilde, Lancee, 2013]. Многоуровневая модель биномиального анализа сегрегации представляет собой расчет моделей сегрегации на основании статистических данных. Эта модель позволяет выделить кластеры и сделать статистические выводы о сегрегации по определенным показателям. Указанный метод не составляет конкуренцию другим методикам [Catney, 2017]. Индекс сегрегации принят главным образом в англоязычной литературе, тогда как в работах французских исследователей речь идет о распределении населения по уровню образования и доходов, социопрофессиональным и прочим характеристикам.

Сегрегация по месту проживания ограничивает доступ неблагополучных групп населения, в частности этнических меньшинств и новых иммигрантов, на рынок труда, снижает их социально-экономические возможности, в конечном счете оказывая негативное воздействие на развитие территории их проживания. В районах с «экономически слабым» населением меньше коммерческих объектов, сужен круг предоставляемых населению социальных услуг [Kempen Van, Şule Özüekren, 1998; Jaczewska, Grzegorzcyk, 2016]. Люди, принадлежащие к одному этносу, близкие по уровню доходов, ищут и находят районы с аналогичными социальными и экологическими характеристиками, что лишь усиливает внутригородскую сегрегацию [Massey, 1985; Yizhaq, Portnov, Meron, 2004; Bailey, Van Gent, Musterd, 2017].

Сегрегация по месту жительства определяется как место проживания отдельных социально-экономических и этнических групп [Socio-economic segregation., 2015; Jaczewska, Grzegorzcyk, 2016]. Начиная с 1980-х годов рост неравенства по доходам в развитых странах привел к изучению взаимосвязи социально-экономической сегрегации, профессиональной занятости и уровня доходов [Sassen, 1991, 1994; Hamnett, 1994; Dewilde, Lancee, 2013]. В результате глобализации в крупных городах наблюдался рост социальной поляризации: увеличилась численность высококвалифицированных специалистов и одновременно – малоквалифицированных работников в сфере обслуживания [Sassen, 1991]. Однако некоторые ученые убеждены, что указанный процесс – не результат возросшей социальной дифференциации, но растущей профессио-

нализации отдельных социальных групп [Hamnett, 1994; Jaczewska, Grzegorzczuk, 2016]. Авторы, анализирующие процесс и механизмы сегрегации по месту проживания, сосредоточены на изучении демографических, социально-экономических и этнических аспектов [Rhein, 1998; Safi, 2009; Prêteceille, 2012; Jaczewska, Grzegorzczuk, 2016]. Это связано в первую очередь с политическими проблемами этнической сегрегации. Некоторые исследователи сравнивают этнические и социальные формы сегрегации, так как эти категории тесно связаны между собой [Jaczewska, Grzegorzczuk, 2016]. Территориальная сегрегация по профессиональному принципу рассматривается реже [Oberti, Prêteceille, 2016; Jaczewska, Grzegorzczuk, 2016], так же как и по уровню образования и доходов [Maurin, 2004; Oberti, Prêteceille, 2016]. Можно сказать, что центрально-европейские исследователи уделяют пристальное внимание вопросам образования; французские исследователи сосредоточены на социально-профессиональных критериях и уровне образования, а немецкие – на категориях социальной защиты и поддержки. В научных исследованиях подчеркивается, что рост сегрегации и концентрированной бедности в европейских городах может привести к ограниченному участию неблагополучных групп населения в жизни общества, негативно сказаться на его экономическом и культурном развитии [Musterd, 2005; Neighbourhoods of poverty..., 2006; Bailey, Van Gent, Musterd, 2017].

Важным фактором, определяющим уровень сегрегации, считается функционирование рынка жилья [Cassiers, Kesteloot, 2012; Grzegorzczuk, 2013; Jaczewska, Grzegorzczuk, 2016; Laurence, 2016]. Социальное положение домашних хозяйств – еще один показатель, помогающий выявить этническую сегрегацию менее чем в 10% случаев [Friedrichs, Galster, Musterd, 2003].

Пространственное неравенство измеряется различными способами, например: уровнем изоляции, неравномерности, концентрации, сегрегации, кластеризации и централизации [Massey, Denton, 1993; Galster, Killen, 1995; Peach, 2009]. Под этнической сегрегацией подразумевается пространственное разделение категорий населения из разных стран происхождения [Musterd, 2005]. В Европе использование концепции этнической группы или этнического меньшинства (или иностранцев) обычно относится к тем, кто имеет корни в культурах относительно разных стран, часто в так называемых странах, не являющихся развитыми или постиндустриальными и / или в бывших колониях. Глобальные города привлекают мигрантов из различных стран, поэтому в них наблюдается боль-

шое количество представителей этнических меньшинств. Сложность проведения компаративных исследований состоит в том, что в странах нет единого стандарта учета мигрантов, некоторые определения основаны на гражданстве, другие – на стране происхождения, третьи – на самоидентификации и др. Этим в большей степени и затруднен сравнительный анализ. Например, во Франции этническая статистика в принципе отсутствует [Musterd, Ostendorf, De Vos, 2003; Simpson, 2004; Phillips, 2006; Clark, Fossett, 2008; Peach, 2009].

Социальная сегрегация – это пространственное разделение населения в зависимости от его социального или социально-экономического положения. Сравнение городов по этим признакам еще более трудоемко, чем сравнение на основании этнических признаков. В Европе невозможно использовать один стандарт для анализа пространственных уровней социально-экономического неравенства [Musterd, 2005; Phillips, 2006]. Поэтому результаты сравнения следует рассматривать с осторожностью, даже большей, чем по этническим группам. В странах Европы наблюдается различный уровень экономического развития и благосостояния, по-разному рассчитываются показатели бедности; проводится разная социальная политика, существуют значительные культурологические отличия [Musterd, 2005; Bailey, Van Gent, Musterd, 2017].

Помимо данных концептуальных проблем есть и другие вопросы, требующие внимания, такие как территориальные структуры (город, столичный регион и др.) и различия в зависимости от исследуемого периода. Для разных городов они варьируются, тем самым влияя на полученные в ходе анализа результаты [Musterd, 2005; Murie, Musterd, 2004].

Этнические и социальные территориальные неравенства – абсолютно разные понятия. Социальное неравенство считается неточным и более грубым показателем для изучения этнической сегрегации. Хотя этническая сегрегация имеет социально-экономические объяснения, они лишь частично способствуют ее пониманию [Peach, 2006; Musterd, 2005]. На сегрегацию также может влиять уровень зависимости иммигрантов от внутренних систем социальной защиты и поддержки первоначальных культурных традиций приезжих. Также большую роль играет знание языка принимающей страны [Sampson, Morenoff, Gannon-Rowley, 2002; Boterman, Musterd, 2006; Савоскул, 2015 а; Bailey, Van Gent, Musterd, 2017]. Значение имеет политика, которую национальные государства проводят по отношению к иммигрантам: европейские

страны в этом смысле сильно отличаются друг от друга. Франция, к примеру, со времен III Республики стремилась ассимилировать иммигрантов в рамках единого государства. Эту задачу была призвана выполнить система образования. Если говорить об основах миграционной политики, в этой стране к иммигрантам не обращаются как к отдельным категориям [Galster, 2002; Bailey, Van Gent, Musterd, 2017]. В последние два десятилетия во Франции отношение к этнонациональному фактору начало меняться, а частичное признание полиэтничности можно считать состоявшимся фактом. В Германии политики, как и во Франции, первоначально думали, что гастарбайтеры приехали в страну на время и в перспективе вернутся к себе на родину. Жесткая интеграционная политика стала ответом на ситуацию, при которой иностранные рабочие не только не вернулись в свою страну, но остались в ФРГ и перевезли сюда свои семьи. В этих условиях правила приема иностранцев были усложнены [Bailey, Van Gent, Musterd, 2017].

В научной литературе существуют разные подходы к изучению влияния иммиграции на социальное пространство городов. Одни исследователи пишут, что в настоящее время в странах Европы предпринимаются активные усилия в направлении интеграции иммигрантов [Савоскул, 2015 б; Савоскул, 2016; Jaczewska, Grzegorzczuk, 2016]. Другие, наоборот, подчеркивают, что в этом регионе действует модель межкультурной политики, согласно которой иммигрантам предоставляется возможность соблюдать свои порядки и традиции, притом что не переоценивается их «чужеродность», что было характерно для мультикультурной модели [Musterd, 2005; Alexander, 2007].

Государства, города, районы, кварталы и сами граждане – взаимосвязанные системы. При анализе сегрегации и социальной дифференциации следует учитывать как различные факторы, влияющие на эти явления общественной жизни, так и разные уровни решения социальных проблем. Именно поэтому важны исследования основ государственной и местной политики; изучение экономики и состояния рынка труда на глобальном, страновом и локальном уровнях; анализ социальных связей и условий социализации на местном уровне; наконец, качественные характеристики на индивидуальном уровне. Все вышеперечисленные факторы играют важную роль в понимании того, какие процессы развиваются на уровне города.

3.2. Социальная ситуация в глобальных городах

Следует признать, что литературы, посвященной социальной ситуации в отдельных глобальных городах, не так много. Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов показал следующие особенности социального пространства и расслоения в выбранных ГГ.

Европа

Лондон. Большинство исследований дает неполное представление об интенсивности социальной дифференциации по районам Лондона. Широко распространено мнение, что сегрегация не способствует развитию открытого и толерантного общества. Ситуация, в которой находятся этнические группы, лишь усугубляет социальные проблемы британской столицы [Bains, 2005; Peach, 2006, 2009; Hewstone, 2009; Uslander, 2012; Further alterations..., 2014].

Лондон с учетом степени концентрации различных этнических групп, по данным переписи 2001 г., делится на три сегмента: районы с преобладанием белого населения; средние районы, где нет четко выраженной этнической сегрегации; районы концентрации основных этнических меньшинств [Population projections].

В 2001 г. 41% лондонцев проживали в первом сегменте, 9 – во втором и 50% – в третьем [Poulsen, 2011; Net migration statistics]. Первый и третий сегменты – этнически разделенные жилые районы Лондона, которые составляли более 90% от общего числа, – различаются по своему характеру [The impacts of international..., 2020]. Зоны, где доля белого населения выше средней по Лондону, практически все – исключительно зоны с концентрацией именно белого населения [Zwysen, 2020]. Напротив, очень немногие районы, где сгруппированы различные «небелые» группы населения, включают в себя жилые районы с преобладанием одной из этих групп. В них наблюдалась «многоэтническая смесь» со значительной долей белого населения. География таких сегментов показывает сложную структуру зон, в которых группируются различные этнические группы. Для белых – это преимущественно пригородные территории, где они преобладают в местном населении. «Небелые» группы имеют несколько зон концентрации, где они составляют средние доли населения. Однако ни одна из них не сосредоточена в одной зоне, а сами эти зоны разделены другими зонами [Ord, Getis, 2001;

Poulsen, 2011; Socio-economic segregation..., 2015; Shatilo, 2015; Kumar, 2019].

Согласно переписи 2001 г., концентрация по религиозному признаку более показательна, чем этническая. В науке существует мнение, что именно религия, а не этническая принадлежность может стать ключом к пониманию современного городского расслоения. Поэтому Лондон можно рассматривать как своеобразный образец для изучения многокультурных городов [Brimicombe, 2007; Poulsen, 2011]. Сторонники этой точки зрения предполагают, что из-за замедленной интеграции территориальная сегрегация становится «ловушкой» для более бедных районов города [Johnston, Forrest, Poulsen, 2002; Brimicombe, 2007; Poulsen, 2011]. В Лондоне тезис «мигрантские районы – бедные районы» начинает устаревать [Peach, 2006; 2009]. Несмотря на неравенство, с которым сталкиваются живущие в Лондоне этнические меньшинства, некоторые общины извлекают выгоду из сегрегированного жилья, что способствует экономическому благополучию [Welsh, 2019; Larin, 2020]. Другие, похоже, оказались замкнутыми в изолированных районах, где скапливается множество социально-экономических проблем [Brimicombe, 2007; Peach, 2009; Meer Van der, Tolsma, 2014; Population change..., 2017].

Следует учитывать, что в Лондоне очень важен фактор соседства, особенно в более изолированных сообществах [Laurence, 2016]. Интересно, что этническое разнообразие района не оказывает прямого влияния на доверие к соседям среди жителей по всему Лондону. Более низкая средняя сегрегация в Лондоне может объяснять отсутствие прямого эффекта разнообразия.

Париж. Говоря о Париже, надо учитывать политику городских властей, так как решения о расселении иммигрантов и об их концентрации на севере и северо-востоке принимались властями. В Париже в конце XX в. помимо общих процессов социальной поляризации развивалась дифференциация, связанная с пространственной структурой жилищного фонда и составом домохозяйств [Rhein, 1998; Socio-economic segregation..., 2015]. Во французской столице выделяются три типа социально-пространственных структур: экономически активный центр, где сконцентрированы зоны проживания экономической и политической элиты и высококвалифицированных специалистов; районы вблизи периферии, где наблюдается самая большая доля домохозяйств, состоящих из одного человека; восточные и северо-восточные районы, которые часто ошибочно

изображали как районы джентрификации, однако данное явление распространилось лишь на некоторые зоны [Hamnett, 1994].

По мнению исследователей, для Парижа свойственны два разных процесса: старение населения, проживающего в районах застройки 1960–1970-х годов, и увеличение числа домохозяйств, состоящих из иностранных граждан [Питт, 2010]. В какой-то мере последнее обстоятельство отражает концентрацию синих воротничков иностранного происхождения в северо-восточной части Парижа. На фоне этих процессов в населении столицы росла доля высококвалифицированных специалистов, представителей свободных профессий, топ-менеджеров, проживающих в центральной части города и в престижных пригородах (юг, запад, юго-запад, частично восток) [Grzegorzcyk, 2014; Socio-economic segregation..., 2015].

Также исследователи выделяют повышенную концентрацию выходцев из иммиграции в рабочих пригородах, где они селились на протяжении предыдущих десятилетий [Leeser, 2015]. В свою очередь, в пригородах среднего и высшего класса и в самых респектабельных районах Парижа наблюдается снижение доли иностранного населения. В Париже, как считают специалисты, тесно связаны следующие факторы: экономическая занятость, жилищные предпочтения, состав домохозяйств [Rhein, 1998; Grzegorzcyk, 2013, 2014; Prêteceille, 2012].

В Большом Париже уровень социальной сегрегации выше, чем в Париже в его административных границах. В регионе Иль-де-Франс руководители и интеллектуальные работники наиболее изолированы от других социально-профессиональных категорий. Привилегированные социальные группы создают компактные однородные зоны проживания. Также для Большого Парижа свойственна высокая сегрегация иностранцев, выходцев из иммиграции и рабочих, с одной стороны, и низкая сегрегация среднего класса – с другой [Grzegorzcyk, 2013, 2014].

Париж в административных границах более однороден в масштабе районов [Jaczevska, Grzegorzcyk, 2016; Prix et volume de ventes..., 2017], хотя и здесь выделяются зоны проживания представителей элиты. Доля представителей среднего класса в столице значительно ниже, чем в Большом Париже [Jaczevska, Grzegorzcyk, 2016]. Индекс изоляции достигает наибольшего значения, во-первых, в случае с представителями самых высших социально-профессиональных категорий с высшим образованием и, во-вторых, применительно к наименее обеспеченным жителям и бездетным семьям. Иностранцы и выходцы из иммиграции группируются в

меньшей степени, чем жители с высоким или низким статусом [Jaczewska, Grzegorzczuk, 2016]. По мнению некоторых французских исследователей-географов, с одной стороны, это демонстрирует тенденцию снижения сегрегации иммигрантов; с другой стороны, сохраняется высокая концентрация иностранцев и выходцев из иммиграции в таких проблемных коммунах, как Сен-Дени, Ла-Курнев и Клиши-су-Буа, которые не репрезентативны для Парижа [Rhein, 1998; Grzegorzczuk, 2013, 2014; Préteceille, 2014].

Пространство французской столицы и ее пригородов неоднородно: на одном полюсе элитные слои создают компактные однородные зоны проживания, на другом – анклав, в которых селятся малообеспеченные французские семьи – рабочие и лица без образования; семьи с одним родителем; многодетные; одинокие пенсионеры. И наряду с ними существуют районы достаточно компактного проживания иммигрантов и выходцев из иммигрантской среды [Шатило, 2018].

Берлин. Падение Берлинской стены в 1989 г. и годы, следовавшие за воссоединением Германии, сопровождались большим притоком иммигрантов в столицу ФРГ. Эти «новые» на тот момент иммигранты добавились к иностранному населению, уже проживавшему в западной части города [Schulz, 1993]. За первое десятилетие после объединения Германии жилищная сегрегация иностранного населения в Берлине несколько снизилась: в Восточном Берлине в большей степени, чем в Западном. В Восточном Берлине это вызвано пространственной диффузией, особенно во внутренних районах, преимущественно в зонах старой застройки [Kemper, 1998]. Такие районы быстрее всего заселялись иммигрантами, особенно из бывших стран социалистического лагеря. Однако был и другой тип мигрантов – как правило, молодые люди без детей или домохозяйства, состоящие из одного человека, которых притянула эстетическая привлекательность районов и особая атмосфера плотной городской застройки, не говоря уже о невысоких ценах на недвижимость. Речь идет об иностранцах из развитых стран, в том числе стран Северной Америки и Западной Европы [Haubermann, Strom, 1994; Kemper, 1998]. Начиная с 1980-х годов в общежитиях, расположенных в промышленных зонах, селились подрядчики из стран «третьего мира» (выходцы из Вьетнама). Однако самая высокая степень концентрации характерна для выходцев из Турции, которые и раньше проживали в районах старой и дешевой застройки Западного Берлина возле Берлинской стены [Sen, Goldberg, 1994; Kemper, 1998; Erdem, Schmidt, 2008]. К концу

XX в. многообразие этнических групп в Берлине значительно возросло, жилая мозаика стала более сложной. Еще одна группа иммигрантов предпочла селиться в районах, где размещены крупные жилые комплексы 1970–1980-х годов в периферийных районах Восточного Берлина. В этих зонах в основном проживают представители стран Восточной Европы – поляки, выходцы из стран бывшей Югославии [Kemper, 1998]. Они распределялись местными властями по многоквартирным домам и общежитиям.

В Берлине проводится политика равного распределения иммигрантов по районам, которая привела к относительно равномерному расселению иммигрантов по всему городу [Haubermann, Strom, 1994]. Исследователи указывают на то, что расселение в восточной части города было намного более равномерным, что несколько сглаживает количественные различия в целом по городу. Речь идет о целенаправленной политике равномерного расселения иммигрантов. Так, выходцев из постсоциалистических стран по программам приема репатриантов намеренно расселяли по разным районам города для уменьшения их концентрации в одном районе [Шатило, 2018; Веcka, 2019]. Выходцы из бедных стран сосредоточены в районах, давно заселенных турками, и на окраинах города, но их концентрация и сегрегация пока не очень велики. Они также могут обитать в более периферийных зонах, тем самым демонстрируя более низкую степень сегрегации. Распределение мигрантов по городу зависит как от качества жилья и политики городских властей, так и от культурных особенностей самих мигрантов [Шатило, 2018]. В Восточном Берлине в последние десятилетия наблюдалось резкое увеличение числа иностранных меньшинств во внутренних районах. Для Берлина важен вопрос реабилитации центра города, так как именно здесь (это характерно как для Западного, так и для Восточного Берлина) концентрировались низкодходные социальные категории, проживавшие вдоль Берлинской стены [Strom, 1996; Von Personen und Wohnungen..., 2014].

Ф. Кемпер в статье «Реструктуризация жилищного фонда и этническая сегрегация: последние события в Берлине» пишет о том, что в конце XX в. в Восточном Берлине пространственная сегрегация развивалась по восточноевропейскому сценарию, как это было в Варшаве, куда тоже приезжали выходцы из стран социалистического лагеря и где они селились более равномерно, в то время как в Западном Берлине ситуация была похожа на парижскую [Kemper, 1998]. С 1990 г. сегрегация, основанная на демо-

графических характеристиках, стала менее заметной, в то время как этническая и социально-экономическая составляющие сегрегации, наоборот, стали проявляться более четко [Söhn, 2011; Socio-economic segregation..., 2015; Jaczewska, Grzegorzczuk, 2016]. Тесное переплетение социальной и этнической сегрегации представляет собой особую проблему для Берлина, как и для других городов [Häussermann H., Karph, 2002; Friedrischs, Triemer, 2008].

Мадрид. В последние десятилетия в испанской столице приобрели особую значимость два феномена: социальная сегрегация и сегрегация иммигрантов [Arango, 2005; Jeannin, Alcolea Moratilla, 2006; Fernández, Carmen, 2007; Fujita, 2014]. Социальная сегрегация четко разграничена по диагонали, отделяя север и северо-запад с преобладающими богатыми районами (хотя и здесь есть исключения).

Иммиграция – далеко не новое явление для Мадрида [Tshitshi, 2012; Fujita, 2014; Socio-economic segregation..., 2015]. Однако за последние 10–15 лет значимость этого фактора возросла, увеличилось его влияние на городскую среду и в целом прибавилось проблем, связанных с социально-территориальной интеграцией иммигрантов. Доля иностранцев в городе никогда еще не была столь высокой, как в настоящее время. Большинство иммигрантов прибывают из стран Южной Америки, Марокко и Румынии. Самые большие группы иммигрантов – из Эквадора (27,5% иммигрантов), Колумбии (9,1%) и Румынии (6,8%) [Barómetro de inmigración..., 2016; Шатило, 2018].

Исследователи выделяют три формы сегрегации, существующие в Мадриде [Fujita, 2014; Barómetro de inmigración..., 2016]: социально-экономическая; этническая, зависящая от национальности и / или культурного уровня; семейная, зависящая от состава домохозяйства (число членов семьи и их возраст, количество детей).

Сегрегацию усиливает и то, что более состоятельные граждане уезжают из центра в богатые пригородные районы города, однако это свойственно лишь молодым людям, в то время как население старшего возраста предпочитает оставаться в центре, где есть доступ к необходимой социальной инфраструктуре, а цены на жилье ниже. Здесь же концентрируются и малообеспеченные выходцы из иммиграции и иностранцы, предпочитающие селиться в домах старой застройки, многие из которых находятся в аварийном состоянии. Этот феномен отличает испанскую столицу. В центре и на юге Мадрида, где раньше были пролетарские районы

и промышленные зоны, в дешевых районах проживают маргинальные слои населения [Tshitshi, 2012; Residential segregation..., 2012].

Несмотря на все предпринятые властями Испании меры в отношении иммиграции и сегрегации в Мадриде, пока не удалось полностью контролировать эти явления. Увеличив проверку на границе при въезде в Испанию, власти стремились добиться сокращения миграционных потоков. Развивая планирование и развитие городской среды, они стремились снизить уровень социальной сегрегации. Однако пока значимых результатов достичь не удалось, а число иммигрантов продолжает расти [Fernández, Carmen, 2007; Jeannin, Alcolea Moratilla, 2006; Tshitshi, 2012; Barómetro de inmigración..., 2016].

Москва. Изучение внутригородской дифференциации территории Москвы редко становилось объектом специализированных исследований [Барбаш, 1986; Трущенко, 1995; Попов, Шатило, Саульская, 2016]. Тем не менее в последнее время наблюдался рост интереса к изучению отдельных составляющих городской среды и ее неоднородности, стоимости недвижимости, этносоциального состава и доходов населения, экологической ситуации и др. [Трущенко, 1995; Вендина, 2012; Битюкова, Угарова, 2013; Махрова, 2014; Внутригородская дифференциация..., 2016; Вендина, Паин, 2018].

Для Москвы, как и для других глобальных городов, характерна особая значимость расположенных внутри Садового кольца престижных центральных районов по сравнению с другими районами привилегированного расселения. Это привело к исключительному «превосходству и социальной исключительности центра», как пишет социолог О. Трущенко [Трущенко, 1995; История московских районов..., 2005]. Это объясняется постоянным ростом территории Москвы, большой концентрацией объектов федерального значения (музеи, выставки, театры, библиотеки и др.) внутри Садового кольца, а также концентрацией в этой зоне населения, обладающего материальными и социальными возможностями для посещения таких объектов [Трущенко, 1995].

В Москве социальная неоднородность выражена намного сильнее, чем в других городах России. Это прежде всего связано с большим расслоением по уровню доходов и обеспеченности жильем в столице. В Москве децильный эквивалент составляет 30 (в РФ – 15,4), а это значит, что доходы 10% самых богатых жителей в 30 раз выше, чем доходы 10% самых бедных [Попов, 2008; Битюкова, Сафронов, 2014; Ethnic and cultural..., 2019]. Также для Москвы характерна исторически обусловленная концентрация

более дорогих и престижных районов в центре, а дешевое жилье сосредоточено на периферии и в восточных районах. Высокая стоимость жилья в центре стала более заметной еще в последнее десятилетие XX в., что увеличило социальную неоднородность территории [Трущенко, 1995; Старая и Новая Москва..., 2018]. Кроме этого, для Москвы характерна значительная неоднородность качества городской среды. Географ А. Попов рассчитал индекс качества городской среды, состоящий из 67 частных показателей, объединенных через интерактивную процедуру в пять групп по типам. Исследование автора и сравнительный анализ стоимости жилой недвижимости позволили выявить, что наиболее высокие значения присущи западной и юго-западной частям города; абсолютный максимум зафиксирован в центре; низкие значения характерны для изолированных районов и районов, близких к МКАД [Попов, 2008].

В разные исторические периоды под воздействием экономических и административных факторов социальная неоднородность сокращалась или, наоборот, усиливалась (в советское время такие периоды вообще накладывались друг на друга) [Барбаш, 1986; Попов, 2008]. С одной стороны, в настоящий момент осуществляются попытки повышения социальной привлекательности того или иного района (например, строительство отдельных кварталов с престижным жильем в непрестижных районах в восточной части города) [Попов, 2008; Махрова, 2014; Попов, Шатило, Саульская, 2016; Махрова, Бочкарев, 2018]. С другой стороны, пока в российской столице не возникло отдельных кварталов, в которых преобладало бы исключительно бедное население. Происходит это из-за того, что, несмотря на высокий уровень неравенства по доходам, в Москве достаточно высока доля собственников дорогого жилья. Стоимость однокомнатной квартиры (даже не очень хорошего качества) в центре Москвы вполне сопоставима со стоимостью небольшого дома в пригороде почти любого европейского города. Однако при ухудшении экономической ситуации эти процессы могут привести к усилению социальных различий и увеличению социальной напряженности [Фоменко, 2002; Попов, 2008].

В Москве пока рано говорить о формировании этнических анклавов, однако они все-таки имеются. Согласно мнению специалистов [Мигранты глазами..., 2014], москвичи считают, что мигрантов привлекают районы со старым и дешевым жильем, а проблема возникновения этнических анклавов сильно преувеличена. Такие кварталы в Москве не возникают потому, что население от-

личается низкой мобильностью из-за высокой стоимости жилья, а территории с советских времен унаследовали социальную неоднородность. Как считают некоторые специалисты, мигрантам в Москве свойственна быстрая интеграция в принимающее общество из-за малочисленности этнических групп по отношению к русскому населению [Вендина, 2009, 2012; Мкртчян, Карачурина, 2013; Моисеенко, 2013; Махрова, Бабкин, 2019; Вендина, Панин, Тикунов, 2019]. Однако, как представляется, эта точка зрения требует проверки, что предполагает проведение новых углубленных исследований.

Америка

Нью-Йорк занимает первое место в Глобальном индексе городов (по GaWC) благодаря высоким показателям деловой активности и человеческого капитала, а также в сфере финансов, СМИ, моды, культуры, по числу стартапов и венчурных технологических компаний. В то же время существует мнение, что глобализация не оказала благотворного влияния на городское развитие. Например, американский независимый ученый Р. Фитч еще в 1996 г. писал о том, что позиционирование города как мирового и глобального центра негативно сказалось на социальном расслоении: увеличились цены на недвижимость; производственный сектор и рабочий класс были вытеснены из города, что привело к росту безработицы и колоссальному расслоению [Fitch, 1996].

В городе получили развитие процессы джентрификации, связанные не только с растущим рынком недвижимости, но и с градостроительной политикой. Нью-йоркский географ и градостроитель С. Стейн развивает идею Р. Фитча и утверждает, что текущая ситуация на рынке недвижимости (Нью-Йорк он называет «государством недвижимости») привела к джентрификации и сопутствующему ей перемещению представителей рабочего класса за пределы города, а также к распространению «культы роскоши», что превращает глобальные города в элитные [Stein, 2019]. По мнению другого специалиста, американского профессора архитектуры М. Соркина, именно благодаря росту роли недвижимости и финансов и стремительной джентрификации Нью-Йорк оказался на первом месте среди других городов США по уровню этнического и имущественного расслоения [Sorkin, 2011]. О негативном влиянии джентрификации на социальное городское пространство также говорится в коллективной статье, в которой с применением

количественного анализа и картографического метода исследуются мобильность населения и растущая социальная изоляция [Mar of gentrification..., 2018]. Опираясь на эмпирический материал, авторы продемонстрировали, что процессы джентрификации, вытеснения и изоляции происходят во всех округах и районах города.

Калифорнийские профессор экономики Х.У. Ричардсон и заслуженный профессор в отставке П. Гордон считают, что **Лос-Анджелес** – особенный глобальный и мировой город, и при этом называют его «самым глобальным городом в мире» [Globalization and urban development, 2005, p. 198]. Город считается почти одним из самых разнообразных по расслоению населения. Порт Лос-Анджелеса (особенно вместе с портом Лонг-Бич) по объемам грузоперевозок стоит наравне с крупнейшими портами мира, такими как Сингапур, Шанхай и Гонконг. Однако в нем размещено мало штаб-квартир международных ТНК (большинство компаний – американские), а следовательно, исходя из «гипотезы мирового и глобального города», Лос-Анджелес не может входить в список ГГ [ibid., p. 197]. И все же Лос-Анджелес – глобальный город и занимает лидирующие позиции в рейтинге мировых и глобальных городов GaWC. Город сильно поляризован и контрастен, в том числе и по резкому имущественному и социальному расслоению, что стало следствием глобализации. Лос-Анджелес занимает первое место среди американских городов как по индексу общей образовательной сегрегации, так и по сегрегации центров технологического прогресса и «городов-суперзвезд», что сказывается на формировании социального пространства города и большом разрыве между различными группами населения [Флорида, 2018, с. 125]. Американский географ и урбанист Э. Соджа рассматривает Лос-Анджелес как самую густонаселенную урбанизированную территорию США и один из самых культурно неоднородных городов в мире [Soja, 2014].

Пример аргентинской столицы **Буэнос-Айреса** демонстрирует сочетание культурного, физического, архитектурного, общественного пространств, которые делают его образцом взаимодействия различных культур. Кроме того, по мнению аргентинских урбанистов и градостроителей, именно глобализация оказывает влияние на формирование городского пространства, градостроительные и архитектурные аспекты и внутригородские процессы [Magistris, Zanetti, 2019]. С момента своего основания Буэнос-Айрес был задуман как город, в котором взаимодействуют различные культурные компоненты.

В Бразилии два глобальных города – **Сан-Паулу** и **Рио-де-Жанейро** – первый из них находится на 15-м месте в рейтинге глобальных городов (согласно GaWC) [The World According..., 2018]. В Сан-Паулу 65% работников заняты в сфере услуг, кроме того, в городе размещены многочисленные штаб-квартиры бразильских компаний [Windle, Maire, 2019]. С 1960-х годов на вхождение города в систему глобальных городов повлияло появление в нем офисных районов [Rolnik, Klintowitz, 2011; State, society..., 2018; Marchetti, Oliveira, Figueira, 2019]. В этих городских зонах размещены не только штаб-квартиры национальных предприятий, но и филиалы международных компаний. Фондовая биржа в Сан-Паулу, несмотря на то что занимает более низкие позиции на фоне Нью-Йорка, Токио и Лондона, наиболее важна в Латинской Америке с точки зрения капитализации [Töpfer, 2013; Arbab, 2019].

Азия

Американский экономист Дж. Сакс говорит о том, что городской Китай и глобальные города других азиатских государств не менее впечатляют, чем Нью-Йорк или Париж, а наиболее яркий пример из них – **Шанхай** [Sachs, 2019]. Как город, ВВП которого постоянно растет, Шанхай воплощает в себе становление и трансформацию глобального города [Song, Timberlake, 1996; McCord, Sachs, 2013; Hae, Farrer, Field, 2017; XinLi, Tong, 2020; Ho, 2020]. Наряду с Шанхаем есть города, ранее известные своей культурной значимостью, такие как Бангкок, Сингапур, Макао и многие другие. В настоящее время из двадцатки лидирующих глобальных городов семь расположены в Азиатском регионе (Токио, Пекин, Гонконг, Сингапур, Сеул, Шанхай, Куала-Лумпур) [Asian cities..., 2015; Clark, 2016].

Уникальный пример глобального города-государства **Сингапура**, по мнению американского профессора географии К. Олдса, показывает влияние грамотного стратегического планирования городского развития. Соединение факторов выгодного экономико-географического положения с политикой и потенциалом развития позволяет удерживать положение глобального города в экстерриториальном ландшафте сетевых отношений [Olds, 2004]. В период глобализации упор делается на градостроительную программу развития, которая включает: гибкость и жесткий контроль в планировании и реализации плана; механизмы для приобретения, распределения и управления земельными ресурсами; деловую политику

в управлении промышленной недвижимостью; социально-политическую инженерию в сфере обслуживания и потребления государственного жилья; программы интенсификации земель для промышленного и жилого развития. Так, в Сингапуре проявляется комплексный подход к городскому развитию в городе-государстве [Chang, 2005]. Экономическая стабильность города и грамотная градостроительная политика помогают Сингапuru оставаться среди городов-лидеров по привлечению инвестиций. В 2019 г. (наряду с Лондоном и другими крупнейшими глобальными городами) Сингапур стал одним из лидеров по привлечению ПИИ [Global cities of the future..., 2019].

Африка

Исследователи описывают **Йоханнесбург** как город, «сильно разделенный и небезопасный»; «необузданный город крайностей» [Johannesburg: the elusive metropolis..., 2008; Murray, 2011], «неуловимый метрополис» [Johannesburg: the elusive..., 2008] и «замученный город» [Turok, 2014]. Другие определяют Йоханнесбург как важное звено во всемирной сети городов [Taylor, 2004; Sassen, 2018]. Контрасты между историческим прошлым и влиянием городской политики прослеживаются до сих пор. После падения апартеида город претерпел масштабную трансформацию. В настоящий период город сталкивается с серьезными проблемами неравенства, а концентрация местных властей на содействии глобальным стратегиям приводит к еще большим контрастам. Несмотря на то что Йоханнесбург – далеко не главный узел в глобальной системе, для экономики города лучше входить в сеть глобальных и мировых городов, чем быть в стороне от глобализации. Большинство реализующихся в городе проектов направлено на улучшение транспортной системы для связи между центром города, его окраинами и близлежащими территориями. Кроме того, многие инвестиции направлены на проекты по улучшению социальной сферы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль глобальных городов в мировой экономике постоянно растет, этот процесс продолжится, даже если темпы экономической глобализации снизятся, а сам процесс затормозится. В условиях глобализации, когда правительства национальных государств

все чаще оказываются парализованными и несостоятельными в решении важнейших общественно-политических задач, города, особенно глобальные, могут и будут обеспечивать лидерство в решении важнейших проблем [Lin, 2016; The city..., 2018]. И в этом смысле можно говорить о превращении ГГ в политических акторов современного мира.

Ученых интересуют структурные проблемы глобальных городов и имеющиеся в их распоряжении ресурсы. Вопросы безопасности, бедствий и конфликтных ситуаций в глобальных городах рассмотрены в работе исследователей из Цюриха [Prior, Roth, 2013]. Они утверждают, что, с одной стороны, высокая плотность населения, этническая неоднородность, постоянная мобильность населения и миграция, сложные взаимосвязанные инфраструктурные системы повышают риски города и уязвимость при стихийных бедствиях. С другой стороны, города обладают значительными преимуществами с точки зрения экономики, людских ресурсов и доступности услуг, которые могут быть использованы для значительного снижения риска катастроф. По мнению авторов, для поиска механизмов планирования и управления стихийными бедствиями в глобальных городах, все акторы, в том числе мэрии, силы порядка и предотвращения чрезвычайных ситуаций, частные предприятия, должны тесно сотрудничать в разработке подходов для решения острых ситуаций.

Исследователями были изучены восемь глобальных городов, подверженных разнообразным природным и антропогенным опасностям: Франкфурт, Гамбург, Роттердам, Вена, Лондон, Сингапур, Лос-Анджелес и Сидней [MacFarlane, Mitchell, 2019]. Анализ показал, что в этих городах главной тенденцией становится увеличение числа межправительственных и наднациональных учреждений, которые усиливают оценку трансграничных рисков [Prior, Roth, 2013; Coaffee, Wood, 2006]. Это означает, что среди городских властей растет понимание того, что многие риски в современном мире не ограничиваются национальными границами. А следовательно, необходимы механизмы управления, которые учитывали бы различия в правовых структурах и нормах, опирались на доступные и совместимые данные [Wenzel, Bendimerad, Sinha, 2007].

Большинство европейских глобальных городов объединяют постоянный рост населения и увеличение площадей застройки. Аналогичная тенденция наблюдается и в других глобальных городах мира. Городским властям следует применить меры по организации и оптимизации своего городского пространства. Другой

важнейший тренд – старение населения глобальных европейских городов [Vogiazides, Mondani, 2020]. Со временем города должны будут удовлетворять потребности все более пожилого населения, включая адаптацию инфраструктуры и услуг к потребностям пенсионеров, которые становятся более мобильными. Важной проблемой является развитие транспортной инфраструктуры ГГ и предпринимаемые городскими властями попытки сокращения числа личных автомобилей в пользу системы более высокоразвитого общественного транспорта.

Глобальные города сталкиваются с серьезными проблемами, такими как обеспечение достаточного количества доступного жилья для все более разнообразного населения, интеграция различных этнонациональных общин. Инновации способствуют расширению сферы услуг в городах, что привлекает тем самым новых жителей. Однако доступность жилья остается нерешенной проблемой из-за финансовой несостоятельности многих жителей, сложных схем приобретения и аренды жилья. Сложности в доступе к жилому фонду для малоресурсных категорий населения усиливают социальную и этническую сегрегацию в городах. А это в свою очередь приводит к отсутствию доступа к услугам для определенных групп населения [Rodrigues, Brancoli, Amar, 2017; The future of cities..., 2019], росту социальной поляризации и конфликтогенности. Большая часть населения мира проживает в городах. Поэтому неудивительно, что большинство острых социальных конфликтов нашего времени происходит именно в городских районах, в том числе глобальных. У. Росси в своей работе представляет критическую и оригинальную точку зрения на географию глобальных городов. Росси рассматривает город как место исторической борьбы, художественных и социальных инноваций, описывает сложные отношения, связывающие города, неолиберальный капитализм и глобализацию [Rossi, 2017].

Теоретический, методологический и эмпирический подходы в изучении глобальных городов основаны на оригинальной работе С. Сассен «The Global City», опубликованной почти три десятилетия тому назад [Sassen, 1991]. В новейших работах исследователи углубили и расширили концепцию глобальных городов, сравнивая их между собой, опираясь на мониторинг положения города в рейтинге глобальных городов. От концепции глобального города, предложенной С. Сассен, работы современных ученых отличает конкретика, осмысление реальной действительности, рассмотрение дифференциации внутригородского пространства, анализ со-

циально-экономических, демографических, культурных аспектов, рассмотрение архитектурных и градостроительных процессов. Глобальных городов много, исследователи подходят к изучению конкретных аспектов, происходящих как в глобальном масштабе, так и на локальном уровне. Концепция глобальных городов расширяется с учетом постоянно меняющейся ситуации в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешковский И. А., Кузовлев С. С., Слука Н. А.* Новая миграция как фактор формирования китайской диаспоры в Европейском союзе // Вестник Моск. ун-та. Серия 27 : Глобалистика и геополитика. – 2019. – № 2. – С. 25–39.
- Андерссон О., Андерссон Д.* Ворота в глобальную экономику. – М. : Фазис, 2001. – 440 с.
- Бабурин В. Л.* Волновая динамика мировых городов // Глобальный город : Теория и реальность / под ред. Н. А. Слуки. – М. : ООО «Аванглион», 2007. – С. 47–65.
- Баранский Н. Н.* Избранные труды. Научные проблемы географии / редкол.: В. А. Анучин и др. – М. : Мысль, 1980. – 239 с.
- Барбаиш Н. Б.* Методика изучения территориальной дифференциации городской среды. – М. : ИГАН СССР, 1986. – 182 с.
- Битюкова В. Р., Сафронов С. Г.* Методы оценки территориальной дифференциации экологической ситуации в городах и регионах России // Экология и промышленность России. – 2014. – № 3. – С. 48–53.
- Битюкова В. Р., Угарова Н. А.* Эколого-экономическая оптимизация транспортного каркаса в крупных городах // География, градостроительство, архитектура : Синтез наук и практик / под ред. А. Г. Махровой (отв. ред.) и др. – М. ; Смоленск : Ойкумена, 2013. – С. 256–274.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : пер. с фр. – М. : Прогресс, 1992. – Т. 3 : Время мира. – 679 с.
- Бродель Ф.* Что такое Франция? : пер. с фр. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1994. – Кн. 1 : Пространство и история. – 406 с.
- Бурдье П.* Социология политики / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
- Бурдье П.* Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т эксперим. социологии : Алетейя, 2005. – 288 с.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире : пер. с англ. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 416 с.
- Валлерстайн И.* Конец знакомого мира : Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 368 с.

- Вендина О. И. Культурное разнообразие и побочные эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / под ред. Ж.А. Зайончковской. – М. : Три квадрата, 2009. – С. 45–148.
- Вендина О. И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия географическая. – 2012. – № 5. – С. 27–39.
- Вендина О. И., Паин Э. А. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. – М. : Сектор, 2018. – 184 с.
- Вендина О. И., Панин А. Н., Тикунов В. С. Социальное пространство Москвы : особенности и структура // Известия РАН. Серия географическая. – 2019. – № 6. – С. 115–122.
- Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география : пер. с англ. // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1, № 2. – С. 26–47.
- Власова Т. К., Костинский Г. Д., Одессер С. В. Опыт освоения аридных районов промышленно развитых капиталистических стран // Проблемы освоения пустынь. – 1988. – № 5. – С. 77–83.
- Внутригородская дифференциация восприятия современной экологической ситуации жителями Москвы / Битюкова В. Р. и др. // Региональные исследования. – 2016. – № 1 (51) – С. 136–149.
- Географическое положение и территориальные структуры : памяти И. М. Маергойца / сост. : П. М. Полян, А. И. Трейвиш. – М. : Новый хронограф, 2012. – 896 с.
- География мирового хозяйства : Традиции, современность, перспективы : коллективная монография / под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. – М. ; Смоленск : Ойкумена, 2016. – 400 с.
- Гидденс Э. Социология. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
- Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуризации : пер. с англ. – М. : Академический проект, 2003. – 528 с.
- Горкин А. П. О релятивности показателей и понятий в социально-экономической географии // Известия РАН. Серия географическая. – 2011. – № 1. – С. 8–16.
- Горкин А. П. Постиндустриальный промышленный комплекс США (Постановка проблемы и особенности микрогеографии) // География, общество, окружающая среда. – М. : Городец, 2004. – Т. 5 : География социально-географического развития. – С. 384–399.
- Город в контексте глобальных процессов / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, Н. А. Слуки. – М. : Изд-во МГУ, 2011. – 448 с.
- Долгова А. Ю. «Международный финансовый центр» и «глобальный город»: Взаимосвязь понятий // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 1 (52). – С. 162–172.

- Зиммель Г. Социология пространства // Зиммель Г. Избранное : в 2-х т. – М. : Юрист, 1996. – Т. 2 : Созерцание жизни. – 607 с.
- Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Развитие больших городов в России в 2000-х годах // Региональные исследования. – 2019. – № 1 (63). – С. 39–51.
- Идентичность : Личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. – М. : Весь мир, 2017. – 992 с.
- Иммиграционная политика западных стран : Альтернативы для России / под ред. Г. Витковской. – М. : Гендальф, 2002. – 264 с.
- Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов / Кузнецова О.В. и др. – 3-е изд. – М. : Либроком, 2013. – 439 с.
- История московских районов : Энциклопедия / под ред. К.А. Аверьянова. – М. : Астрель : АСТ, 2005. – 830 с.
- Капранов А. В. Социально-экономические проблемы расселения иммигрантов в Парижской агломерации // Вестник Моск. ун-та. Серия 5 : География. – 2008. – № 6. – С. 54–59.
- Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
- Крупнейшие транснациональные корпорации в глобальных городах США : Центр-периферические диспаратеты / Пилька М. Э. и др. // Вестник Моск. ун-та. Серия 5 : География. – 2018. – № 6. – С. 83–93.
- Кузнецов А. В. Особенности анализа географии зарубежных инвестиций транснациональных корпораций // Балтийский регион. – 2016. – № 3. – С. 30–44.
- Курасов А. В. Особенности формирования глобальных городов Германии // Меняющаяся география зарубежного мира / под ред. И. С. Ивановой, И. М. Кузиной, А. С. Фетисова. – М. ; Смоленск : Ойкумена, 2007. – С. 163–184. – (Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран ; Т. 17.)
- Курасов А. В., Трейвиш А. И. Мировые города в постиндустриальной экономике : Термины, теоретические конструкции и реальность // Мир России. – 2009. – № 1. – С. 34–46.
- Латина Н. Ю. Французское общество перед вызовами глобализации : Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – 51 с.
- Ланно Г. М. География городов : Учебное пособие. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 480 с.
- Маккуайр С. Медийный город : Медиа, архитектура и городское пространство : пер. с англ. – М. : Strelka Press, 2014. – 392 с.
- Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. – М. : Новое литерат. обозрение : Ин-т философии РАН, 2014. – 232 с.
- Матвеев М. М. Концепция теории социоэкономического пространства // Экономика, предпринимательство и право. – 2011. – № 6 (6). – С. 3–10.

- Махрова А. Г. Особенности стадийного развития Московской агломерации // Вестник Моск. ун-та. Серия 5 : География. – 2014. – № 4. – С. 10–16.
- Махрова А. Г., Бабкин Р. А. Методические подходы к делимитации границ Московской агломерации на основе данных сотовых операторов // Региональные исследования. – 2019. – № 2 (64). – С. 48–57.
- Махрова А. Г., Бочкарев А. Н. Анализ локальных рынков труда через трудовые маятниковые миграции населения (на примере муниципальных образований Москвы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 56–68.
- Махрова А. Г., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Новая Москва в контексте развития Московской агломерации // Геоэкологические проблемы Новой Москвы / под ред. А. В. Кошкарева, Э. А. Лихачевой, А. А. Тишкова. – М. : Медиа-ПРЕСС, 2013. – С. 18–26.
- Мерфи Р. Американский город : пер. с англ. – М. : Прогресс, 1972. – 320 с.
- Мигранты глазами москвичей / Доронина К. А. и др. // Демоскоп Weekly. – 2014. – № 605–606. – С. 1–28.
- Мироненко Н. С. Введение в географию мирового хозяйства. Международное разделение труда : Учебное пособие. – М. : Аспект-Пресс, 2006. – 239 с.
- Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. Миграция и естественное движение населения городов и административных районов России в 1990–2010 гг. : Ключевые факторы различий // Научные труды : Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М. : ИНП РАН, 2013. – С. 95–114.
- Моделирование территориального развития городов и городских систем. – 2007. – URL: <https://www.hse.ru/data/531/901/1237/лекция%203.pdf> (дата обращения – 28.08.2020).
- Моисеенко В. М. Миграция населения // Демографическая энциклопедия. – М. : Энциклопедия, 2013. – С. 463–468.
- Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 60–69.
- Перцик Е. Н. Географическая мысль : История, проблемы, поиск решений. История и методология географической науки, географические аспекты развития городов и урбанизации. – М. : Мастер, 2013. – 428 с.
- Перцик Е. Н. Города мира : География мировой урбанизации / предисловие Г. М. Лаппо. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 384 с.
- Пилька М. Э., Слука Н. А. Глобальные города США как хабы зарубежных ТНК // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 6. – С. 196–206.
- Пилька М. Э., Слука Н. А., Ткаченко Т. Х. Отраслевая и географическая структуры зарубежных ТНК в глобальных городах США // Региональные исследования. – 2018. – № 4. – С. 44–53.
- Питт Ж.-Р. Франция : пер. с фр. – М. : Новый хронограф, 2010. – 340 с.

- Полян П. М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение : Теоретические подходы и методы изучения. – М. : Новый хронограф, 2014. – 788 с.
- Попов А. А. Оценка территориальной дифференциации качества городской среды г. Москвы : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М., 2008. – 28 с.
- Попов А. А. Территориальная дифференциация качества городской среды в Москве // Вестник Моск. ун-та. Серия 5 : География. – 2007. – № 4. – С. 29–36.
- Попов А. А., Шатило Д. П., Саульская Т. Д. Промышленные зоны г. Москвы как фактор экологической ситуации и дифференциации цен на жилье // Экология и промышленность России. – 2016. – № 2. – С. 32–38.
- РБК 500. 2019. – URL: <https://www.rbc.ru/rbc500/> (дата обращения – 18.11.2020).
- Рязанцев С. В. Роль миграции в демографическом развитии Западной Европы // Народонаселение. – 2001. – № 2. – С. 53–64.
- Савоскул М. С. Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в. // Региональные исследования. – 2015 а. – № 4 (50). – С. 56–65.
- Савоскул М. С. Территориальные системы международных миграций населения // Вестник Моск. ун-та. Серия 5 : География. – 2015 б. – № 6. – С. 11–18.
- Савоскул М. С. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в конце XX – начале XXI века // Вестник Моск. ун-та. Серия 5 : География. – 2016. – № 2. – С. 44–53.
- Синцеров Л. М. Волны глобальной интеграции // Известия РАН. Серия географическая. – 2000. – № 1. – С. 69–78.
- Синцеров Л. М. География международных миграций населения в современную эпоху глобализации // Известия РАН. Серия географическая. – 2019. – № 2. – С. 31–40.
- Слука Н. А. Геодемографические феномены глобальных городов. – Смоленск : Ойкумена, 2009. – 317 с.
- Слука Н. А. Город в условиях глобализации : Учебное пособие. – М. : Белый ветер, 2017. – 140 с.
- Слука Н. А., Гречко Е. А., Пилька М. Э. Корпоративный подход в исследовании глобальных городов // Региональные исследования. – 2016. – № 3. – С. 13–21.
- Слука Н. А., Карякин В. В., Колясев Е. Ф. Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов // Контуры глобальных трансформаций : Политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 203–226.
- Слука Н. А., Ткаченко Т. Х. Китай на пороге третьего глобального интеграционного цикла // Вестник Моск. ун-та. Серия 5 : География. – 2019. – № 5. – С. 60–66.
- Смирнягин Л. В. Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности // Проблемы географической реальности. – М. : Эслан, 2012. – Т. 9. – С. 191–201. – (Сократические чтения).
- Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике / отв. ред. Х. Беркинг, М. Лёв ; пер. с нем. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 424 с.

- Сорокин П.* Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов ; пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992. – С. 297–425.
- СССР–СНГ–Россия : География населения и социальная география. 1985–1996 : аналитико-библиографический обзор. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 595 с.
- Старая и Новая Москва : Тенденции и проблемы развития. – М. : Изд. ИП Матушкина И. И., 2018. – 338 с.
- Стимулы, парадоксы, провалы : Город глазами экономистов. – М. : Strelka Press, 2015. – 224 с.
- Трейвиш А. И.* Географическое пространство как посредник между населением и экономикой // Население и экономика. – 2019 а. – Т. 3, № 1. – С. 5–20.
- Трейвиш А. И.* Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. – 2019 б. – Т. 15, № 4. – С. 13–35.
- Трейвиш А. И.* Траектории социально-экономического развития стран мира в конце второго тысячелетия // География, общество, окружающая среда. – М. : Городец, 2004. – Т. 5 : География социально-экономического развития. – С. 419–478.
- Трубина Е. Г.* Город в теории : Опыты осмысления пространства. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.
- Трубина Е. Г.* Центр и периферия: Между ростом и развитием // Логос. – 2013. – № 4 (94). – С. 237–266.
- Трущенко О. Е.* Престиж центра : Городская социальная сегрегация в Москве. – М. : Socio Logos, 1995. – 112 с.
- Филиппов А. Ф.* Социология пространства // Логос. – 2000. – № 2 (23). – С. 113–151.
- Филиппов А. Ф.* Рецензия на кн. : Пьер Бурдьё. Практический смысл // Социологическое обозрение. – 2002. – № 1. – С. 76–86.
- Флорида Р.* Новый кризис городов : Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать. – М. : Изд. группа «Точка», 2018. – 360 с.
- Фоменко И. В.* Опыт развития рынка недвижимости крупных городов мира // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – Смоленск : Ойкумена, 2002. – С. 180–188.
- Форрестер Дж.* Динамика развития города. – М. : Прогресс, 1974. – 286 с.
- Хватов Ю. Ю.* Сравнительный анализ рейтингов конкурентоспособности глобальных городов // Европейский вектор економічного розвитку. – 2015. – № 1 (18). – С. 195–202.
- Человек в мегаполисе : опыт междисциплинарного исследования / под ред. Б. А. Ревича, О. В. Кузнецовой. – М. : Ленанд, 2019. – 640 с.
- Шатило Д. П.* Социальная дифференциация городских территорий (на примере стоимости жилья и расселения иммигрантов) в крупных столицах Европы : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М., 2018. – 28 с.

- Шендрик А. И.* Глобализация в системе культурологических координат (Начало) // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 59–71.
- Шишков Ю. В.* Интернационализация производства – новый этап развития мировой экономики. – М. : ИМЭМО, 2009. – 92 с.
- Шпенглер О.* Закат Европы. – М. : Наука, 1993. – 592 с.
- Abrahamson M.* Global cities. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 192 p.
- Ackermann V.* Integration : Begriff, Leitbilder, Probleme // Neu Heimat in Westen: Vertriebene, Flüchtlinge, Aussiedler / Hrsg. K.J. Bade. – Münster : Westfälischer Heimatbund, 1990. – S. 14–36.
- Ackroyd P.* London : The Biography. – London : New Ed., 2000. – 848 p.
- Alba R., Nee V.* Remaking the American mainstream : Assimilation and the contemporary immigration. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. – 384 p.
- Alexander M.* Cities and labour immigration : Comparing policy responses in Amsterdam, Paris, Rome and Tel Aviv. – Aldershot : Ashgate, 2007. – 256 p.
- Appadurai A.* Modernity at large : Cultural dimensions of globalization. – Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2003. – 237 p.
- Arango J., Jachimowicz M.* Regularizing immigrants in Spain : A new approach // Migration Information Source. – 2005. – September. – 8 p.
- Arbab P.* Global and globalizing cities from the Global South : Multiple realities and pathways to form a new order // Perspectives on global development & technology. – 2019. – Vol. 18, Issue 3. – P. 327–337.
- Asian cities : Colonial to global / Bracken G. (Ed.). – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2015. – 376 p.
- Bailey N., Van Gent W., Musterd S.* Remaking urban segregation: Processes of income sorting and neighbourhood change // Population, space and place. – 2017. – N 23 (3). – P. 1–16.
- Bains B.* Patterns of ethnic segregation in London. – London, 2005. – 14 p. – (DMAG Briefing ; 2005/38).
- Barnes T. J.* Book review // Papers in regional science. – 2017. – Vol. 96, Issue 3. – P. 670–672. – [Rev. op.] : Rossi U. Cities in global capitalism. – Cambridge : Polity, 2017. – 176 p.
- Barómetro de inmigración de la comunidad de Madrid. 2016 / Comunidad de Madrid. – 2016. – 37 p.
- Beaverstock J. V., Faulconbridge J. R., Hall S. J. E.* The globalization of executive search : Professional services strategy and dynamics in the contemporary world. – Abingdon : Routledge, 2014. – 266 p.
- Beaverstock J. V., Smith R. G., Taylor P. J.* A Roster of world cities // Cities. – 1999. – N 16 (6). – P. 445–458.
- Becka M.* Cities and their global responsibility : Reflections on social ethics from a German perspective // Concilium. – 2019. – Issue 1. – P. 61–71.

- Boterman W., Musterd S.* Cocooning urban life : Exposure to diversity in neighbourhoods, workplaces and transport // *Cities : The International j. of urban policy and planning*. – 2006. – Vol. 59. – P. 139–147.
- Brimicombe A. J.* Ethnicity, religion, and residential segregation in London : Evidence from a computational typology of minority communities // *Environment and planning B : Planning and design*. – 2007. – Vol. 34. – P. 904–924.
- Burgers J., Musterd S.* Understanding urban inequality. A model based on existing theories and an empirical illustration // *International j. of urban and regional research*. – 2002. – Vol. 26, N 2. – P. 403–413.
- Carden D. L.* Mapping ASEAN : Achieving peace, prosperity, and sustainability in Southeast Asia. – Bloomington, IN : Indiana University Press, 2019. – 296 p.
- Cassiers T., Kesteloot C.* Socio-spatial inequalities and social cohesion in european cities // *Urban studies*. – 2012. – Vol. 49 (9). – P. 1909–1924.
- Catney G.* Towards an enhanced understanding of ethnic group geographies using measures of clustering and unevenness // *The geographical j.* – 2017. – N 183 (1). – P. 71–83.
- Chang T. C.* Place, memory and identity : Imagining ‘New Asia’ // *Asia Pacific Viewpoint*. – 2005. – Vol. 46, Issue 3. – P. 247–253.
- The city as a global political actor / Oosterlynck S., Beeckmans L., Bassens D., Derudder B., Segaert B., Braeckmans L. (eds.).* – Abingdon : Routledge, 2018. – 282 p.
- Clark D.* Urban world, global city. – London : Routledge, 2003. – 256 p.
- Clark G.* Global cities : A short history. – Wash., DC : Brookings Institution Press, 2016. – 224 p.
- Clark W.* Changing residential preferences across income, education, and age : Findings from the multi-city study of urban inequality // *Urban affairs rev.* – 2009. – N 44 (3). – P. 334–355.
- Clark W., Fossett M.* Understanding the social context of the Schelling segregation model // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2008. – N 105 (11). – P. 4109–4114.
- Clotfelter C. T.* Public school segregation in metropolitan areas // *Land economics*. – 1999. – N 75. – P. 487–504.
- Coaffee J., Wood D.* Security is coming home : Rethinking scale and constructing resilience in the global urban response to terrorist risk // *International relations*. – 2006. – N 20 (4). – P. 503–517.
- Cohen R.* The new international division of labor : Multinational corporations and urban hierarchy // *Urbanization and urban planning in capitalist society / M. Dear, A. Scott (eds.).* – Methuen, 1981. – P. 287–315.
- A companion to the anthropology of politics / D. Nugent, J. Vincent (eds.).* – Oxford : Blackwell Publishing, 2007. – 528 p.
- Cross-cultural differences in Central Europe / Kolman L. K. et al. // J. of managerial psychology*. – 2003. – N 18 (1). – P. 76–88.

- Curtis S.* Global cities and global order. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – 264 p.
- Curtis S.* Global cities and the transformation of the international system // *Rev. of international studies*. – 2011. – Vol. 37, Issue 4. – P. 1923–1947.
- Curtis S.* Global cities as market civilization // *Global society*. – 2019. – Vol. 33, Issue 4. – P. 437–461.
- Curtis S., Acuto M.* The foreign policy of cities // *The RUSI J.* – 2018. – Vol. 163, Issue 6. – P. 8–17.
- Dewilde C., Lancee B.* Income inequality and access to housing in Europe // *European sociological rev.* – 2013. – Vol. 29, N 6. – P. 1189–1200.
- Dynamics of the population number in global cities of the East European region / *Niemets L. et al.* // *Visnyk of Karazin Kharkiv National University. – Series: Geology–Geography–Ecology*. – 2018. – Issue 48. – P. 143–151.
- L’emploi et les salaires des enfants d’immigrés / *Aeberhardt R. et al.* // *Économie et statistique*. – 2010. – N 433–434. – P. 31–46.
- The English indices of deprivation 2015. Statistical Release / Department for communities and local government. – London, 2015. – 38 p.
- Erdem K., Schmidt R.Ä.* Ethnic marketing for Turks in Germany // *International j. of retail & distribution management*. – 2008. – Vol. 36, Issue 3. – P. 212–223.
- Ethnic and cultural aspects of nationalism transformation in the context of globalization : The global trends and Russian specifics / *Yanchenkova O. A. et al.* // *J. of history culture and art research*. – 2019. – N 8 (3). – P. 259–268.
- Falco S. de.* Are smart cities global cities? A European perspective // *European planning studies*. – 2019. – Vol. 27, Issue 4. – P. 759–783.
- Fernández G., Carmen M. del.* La concentración residencial de la población extranjera en la ciudad de Madrid. – 2007. – 62 p. – (Observatorio de las migraciones y de la convivencia intercultural de la ciudad de Madrid ; N 9).
- Fitch R.* The Assassination of New York. – London ; N.Y. : Verso, 1996. – 324 p.
- FitzGerald D. S.* Remote control of migration : Theorising territoriality, shared coercion, and deterrence // *J. of ethnic and migration studies*. – 2020. – Vol. 46, Issue 1. – P. 4–22.
- Florida R., Gulden T., Mellander Ch.* The rise of the mega-region. – Toronto : The Martin Prosperity Institute, 2007. – 31 p.
- Fonseca M. L., Malheiros J.* Social integration and mobility : Education, housing and health / Centro de Estudos Geográficos, Universidade de Lisboa. – Lisboa, 2005. – 185 p.
- Freeman L. C.* Centrality in social networks conceptual clarification // *Social networks*. – 1979. – N 1. – P. 215–239.
- Friedmann J.* The world city hypothesis // *Development and change*. – 1986. – N 17 (1). – P. 69–84.

- Friedmann J.* Where we stand : A decade of world city research // World cities in a world-system. – Cambridge, 1995. – P. 21–47.
- Friedrichs J., Galster G., Musterd S.* Neighbourhood effects on social opportunities : The European and American research and policy context // Housing Studies. – 2003. – N 18 (6). – P. 797–806.
- Friedrichs J., Triemer S.* Gespaltene Städte? Soziale und ethnische Segregation in deutschen Großstädten. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – 181 p.
- Fujita K.* Cities and crisis : New critical urban theory. – Newbury Park, CA : SAGE Publications Ltd., 2014. – 344 p.
- Further alterations to the London Plan (FALP) / Greater London Authority. – London, 2014. – 370 p.
- The future of cities : Opportunities, challenges and the way forward. – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2019. – 165 p.
- Galster G.* Trans-Atlantic perspectives on opportunity, deprivation and the housing nexus // Housing Studies. – 2002. – N 17 (1). – P. 5–12.
- Galster G., Killen S.* The geography of metropolitan opportunity : A reconnaissance and conceptual framework // Housing Policy Debate. – 1995. – N 6 (1). – P. 7–43.
- Gammage S., Stevanovic N.* Gender, migration and care deficits : What role for the sustainable development goals? // J. of ethnic and migration studies. – 2019. – N 45 (14). – P. 2600–2620.
- Garreau J.* Edge city : Life on the new frontier. – N.Y. : Anchor Books, 1992. – 576 p.
- Geddes P.* Cities in evolution. – London : Williams & Norgate, 1915. – 87 p.
- Glaeser E., Sassen S.* 16 global cities to watch // Foreign Policy. – 2011. – N 190. – P. 72–85.
- Global 500, 2019 // Fortune. – URL: <https://fortune.com/global500/2019/search/?hqcountry=Russia> (дата обращения – 18.10.2020).
- Global cities of the future 2018–19 / fDi intelligence. – 2019. – 9 p. – URL: <https://www.fdiintelligence.com/article/73580> (дата обращения – 18.11.2020).
- Global city makers : Economic actors and practices in the world city network / M. Hoyler, Ch. Parnreiter, A. Watson (eds.). – Cheltenham ; Camberley ; Northampton, MA : Edward Elgar pub, 2018. – 224 p.
- Globalization and urban development / H. W. Richardson, Ch.-H. C. Bae (eds.). – Berlin : Springer, 2005. – 321 p.
- Globalization and world cities. – URL: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/index.html> (дата обращения – 07.09.2020).
- Global urban analysis : A Survey of cities in globalization / Ed. by P. J. Taylor et al. – London : Earthscan, 2011. – 464 p.
- Godfrey B. J., Zhou Y.* Ranking world cities : Multinational corporations and the global urban hierarchy // Urban geography. – 2013. – Vol. 20, N 3. – P. 268–281.

- Grzegorzczak A.* Social and ethnic segregation in the Paris metropolitan area at the beginning of the 21 st century // *Miscellanea Geographica. Regional studies on development (MGRSD)*. – 2013. – Vol. 17, N 2. – P. 20–29.
- Grzegorzczak A.* The Paris suburbs – blessed or cursed? // *Suburbanization versus peripheral sustainability of rural-urban areas fringes* / M. Czerny, G. Hoyos Castillo (eds.). – N.Y. : Nova Publishers, 2014. – P. 89–102. – (Urban development and infrastructure series).
- Hae L., Farrer J., Field A.* Shanghai nightscapes : A nocturnal biography of a global city // *International j. of urban & regional research*. – Chicago : The University of Chicago Press, 2017. – Vol. 41, Issue 1. – P. 184–186.
- Hall P.* Globalization and world cities // *Globalization and the world of large cities* / Ed. by L. Fu-chen, Y.M. Yeung. – Tokyo : United Nations University Press, 1998. – P. 17–36.
- Hall P.* The end of the city? // *City*. – 2003. – Vol. 7, N 2. – P. 141–152.
- Hamnett C.* Social polarisation in global cities : Theory and evidence // *Urban Studies*. – 1994. – Vol. 31, N 3. – P. 401–424.
- Han P.* Soziologie der Migration. – Stuttgart : Lucius und Lucius, 2010. – 408 S.
- Han S. S.* Global city making in Singapore : A real estate perspective // *Progress in planning*. – 2005. – N 64 (2). – P. 69–175.
- Harris C. D., Ullman E. L.* The nature of cities // *Annals of the American Academy of political and social science*. – 1945. – Vol. 242, Issue 1. – P. 7–17.
- Haubermann H., Strom E.* Berlin : The once and future capital // *International j. of urban and regional research*. – 1994. – N 18. – P. 335–346.
- Häussermann H., Haila A.* The European city : A conceptual framework and a normative project // *Cities of Europe : Changing contexts, local arrangements and the challenge to urban cohesion* / Y. Kazepov (ed.). – Oxford : Blackwell, 2005. – P. 43–65.
- Häussermann H., Kapphann A.* Berlin : Von der geteilten zur gespaltenen Stadt? Sozial-räumlicher Wandel seit 1990. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2002. – 292 S.
- Hesse M., Mei-Ling Wong C.* Cities seen through a relational lens // *Geographische Zeitschrift*. – 2019. – Vol. 108, Issue 2. – P. 74–98.
- Hesse M., Mei-Ling Wong C.* Small but global cities : A comparative analysis of Luxembourg & Singapore. – Luxembourg : University of Luxembourg, 2019. – 26 p.
- Hewstone M.* Living apart, living together? The role of intergroup contact in social integration // *Proceedings of the British Academy*. – 2009. – Vol. 162. – P. 243–300.
- Hirschman Ch., Perez A. D.* Immigration and nativism in the United States and Europe : Demography and globalization versus the Nation-State // *United in diversity? Comparing social models in Europe and America* / J. Alber, N. Gilbert (eds.). – N.Y. : Oxford University Press, 2010. – P. 381–400.
- Ho K. C.* Neighbourhoods for the city in Pacific Asia. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2020. – 188 p.

- Hochstenbach C., Musterd S.* Gentrification and the suburbanization of poverty : Changing urban geographies through boom and bust periods // *Urban geography*. – 2018. – N 39 (1). – P. 26–53.
- Hoyt H.* Recent distortions of the classical models of urban structure // *Land economics*. – 1964. – Vol. 40. – P. 199–212.
- Hymer S. H.* The efficiency (contradictions) of multinational corporations // *American economic rev.* – 1970. – Vol. 60, N 2. – P. 441–448.
- The impacts of international migration on the UK's ethnic populations / *Lomax N. et al.* // *J. of ethnic and migration studies*. – 2020. – Vol. 46, Issue 1. – P. 177–199.
- International migration. Prospects and policies in a global market / Ed. by D. S. Massey, J. E. Taylor. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 399 p.
- Irastorza N., Bevelander P.* The labour market participation of humanitarian migrants in Sweden : An overview // *Intereconomics*. – 2017. – Vol. 52, Issue 5. – P. 270–277.
- Jaczevska B., Grzegorzczak A.* Residential segregation of metropolitan areas of Warsaw, Berlin and Paris // *Geographia Polonica*. – 2016. – Vol. 89, Issue 2. – P. 141–168.
- James D. R., Taeuber K. E.* Measures of segregation // *Sociological methodology*. – 1985. – N 15. – P. 1–32.
- Jeannin M., Alcolea Moratilla M. A.* Informe sobre la segregación social e inmigración en el municipio de Madrid // *M+A Revista Electrónica de Medioambiente*. – 2006. – N 2. – P. 73–89.
- Johannesburg : The elusive metropolis / S. Nuttall, J. A. Mbembe (eds.). – Durham, NC : Duke University Press, 2008. – 392 p.
- Johnston R. J., Forrest J., Poulsen M. F.* The ethnic geography of EthniCities : The 'American model' and residential concentration in London // *Ethnicities*. – 2002. – N 2. – P. 209–235.
- Johnston R. J., Gregory D., Smith D. M.* The dictionary of human geography. – 2 ed. – Hoboken, NJ : Basil Blackwell, 1986. – 576 p.
- Kempen Van R., Şule Özüekren A.* Ethnic segregation in cities : New forms and explanations in a dynamic world // *Urban studies*. – 1998. – N 35 (10). – P. 1631–1656.
- Kemper F. J.* Restructuring of housing and ethnic segregation : Recent developments in Berlin // *Urban studies*. – 1998. – Vol. 35, N 10. – P. 1765–1789.
- Kesteloot Ch.* Urban socio-spatial configurations and the future of European cities // *Cities of Europe : Changing contexts, local arrangements, and the challenge to urban cohesion* / Yu. Kazepov (ed.). – Oxford : Blackwell Publishing, 2005. – P. 123–148.
- Kesteloot Ch., Cortie C.* Housing Turks and Moroccans in Brussels and Amsterdam : The difference between private and public markets // *Urban studies*. – 1998. – N 35. – P. 1835–1853.
- Kesteloot Ch., Meert H.* Segregation and economic integration of immigrants in Brussels // *Minorities in European cities. The dynamics of social integration and social exclusion at the neighborhood level* / S. Body-Gendrot & M. Martiniello (eds.). – Basingstoke : Macmillan, 2000. – P. 54–74.

- Kesteloot Ch., Van der Hagen H.* Foreigners in Brussels 1981–1991 : Spatial continuity and social change // Tijdschrift voor economische en Social Geografie. – 1997. – N 88 (2). – P. 105–119.
- Kim J.* Manhattan's Koreatown as a transclave : The emergence of a new ethnic enclave in a global city // City & Community. – 2018. – Vol. 17, Issue 1. – P. 276–295.
- King A.* Global cities : Post-imperialism and internationalisation of London. – London ; N.Y. : Routledge, 1991. – 208 p.
- Knox P., Pinch S.* Urban social geography. An introduction. – 6 ed. – London ; N.Y. : Routledge, 2009. – 392 p.
- Kotkin J.* Size is not the answer : The changing face of the global city. – Singapore : Civil Service College, 2014. – 27 p.
- Kratke S.* How manufacturing industries connect cities across the world : Extending research on 'multiple globalizations' // Global networks. – 2014. – N 14 (2). – P. 121–147.
- Kumar N.* Think global, act local : European cities on the front lines of climate action // Harvard Kennedy School rev. – 2019. – Vol. 19. – P. 25–29.
- Kuznets S.* Population change and aggregate output // Demographic and economic change in developed countries. – N.Y. : Columbia University Press, 1960. – P. 324–351.
- Larin S. J.* Is it really about values? Civic nationalism and migrant integration // J. of ethnic and migration studies. – 2020. – Vol. 46, Issue 1. – P. 127–141.
- Laurence J.* Wider-community segregation and the effect of neighbourhood ethnic diversity on social capital : An investigation into intra-neighbourhood trust in Great Britain and London // Sociology. – 2016. – Vol. 51, Issue 5. – P. 1011–1033.
- Learning from the East – Insights from China's urban success : 2018 Global cities report / A. T. Kearney [Consulting firm]. – Chicago, 2018. – 16 p.
- Leeser R.* English indices of deprivation 2015 / Greater London Authority. – London, 2015. – 53 p. – (Intelligence Briefing ; 2016–01).
- Lichtenberger E.* Hans Bobek (1903–1990) // Geographers : Biobibliographical studies / G. J. Martin (ed.). – London, 1995. – Vol. 16. – P. 12–22.
- Lin J.* Sassen's tandem of texts on global cities, 1988 and 1991 // City & Community. – 2016. – Vol. 15, Issue 2. – P. 109–112.
- Liu X., Derudder B., Taylor P. J.* Mapping the evolution of hierarchical and regional tendencies in the world city network, 2000–2010 // Computers, environment and urban systems. – 2014. – N 43. – P. 51–66.
- Lynch K.* The image of the city. – Cambridge, MA : The MIT Press, 1960. – 194 p.
- MacFarlane K., Mitchell K.* Hamburg's spaces of danger : Race, violence and memory in a contemporary global city // International j. of urban & regional research. – 2019. – Vol. 43, Issue 5. – P. 816–832.
- Magistris A. de, Zanetti U.* Buenos Aires. The metropolis that started twice // Area. – 2019. – N 162. – P. 2–11.

- Map of gentrification and displacement for the Greater New York / Bianco F. et al. – 2018. – 18 p. – (Capstone project report ; Center for Urban Science and Progress (CUSP) NYU 2018).
- Marchetti D., Oliveira R., Figueira A. R.* Are global North smart city models capable to assess Latin American cities? A model and indicators for a new context // *Cities*. – 2019. – Vol. 92. – P. 197–207.
- Massey D. S.* Ethnic residential segregation : A theoretical synthesis and empirical review // *Sociology and social research*. – 1985. – N 69 (3). – P. 315–350.
- Massey D. S., Denton N.* American apartheid : Segregation and the making of the underclass. – Cambridge : Harvard University Press, 1993. – 312 p.
- Maurin É.* Le ghetto français. Enquête sur le séparatisme social. – Paris : Le Seuil, 2004. – 95 p.
- McCord G., Sachs J.* Development, structure, and transformation: Some evidence on comparative economic growth. – 2013. – 37 p. – (NBER Working Paper ; N 19512).
- Meer Van der T., Tolsma J.* Ethnic diversity and its effects on social cohesion // *Annual rev. of sociology*. – 2014. – Vol. 40. – P. 459–478.
- Migration, human rights and intercultural skills in higher education : MEHR Project. Erasmus +. – Lisbon, 2018. – 91 p.
- Mingione E.* Family, welfare and districts : The local impact of new migrants in Italy // *European urban and regional studies*. – 2009. – N 16. – P. 225–236.
- Morgner Ch.* Spatial barriers and the formation of global art cities : The case of Tokyo // *International j. of Japanese sociology*. – 2019. – Vol. 28, Issue 1. – P. 183–208.
- Moving cities – Contested views on urban life / L. Ferro, M. Smagacz-Poziemska, M. V. Gómez, S. Kurtenbach, P. Pereira, J. J. Villalón (eds.). – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2018. – 226 p.
- Multilevel modeling of social segregation / Goldstein H. et al. // *J. of educational and behavioral statistics*. – 2012. – Vol. 37, Issue 1. – P. 3–30.
- Murie A., Musterd S.* Social exclusion and opportunity structures in European cities and neighbourhoods // *Urban studies*. – 2004. – Vol. 41, N 8. – P. 1441–1459.
- Murray M. J.* City of extremes : The spatial politics of Johannesburg. – Durham, NC : Duke University Press, 2011. – 464 p.
- Musterd S.* Growing social-spatial segregation in European capitals : Different government, less mitigation // *Urban Europe / V. Mamadouh, A. van Wageningen (eds.)*. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2016. – P. 251–259.
- Musterd S.* Social and ethnic segregation in Europe : Levels, causes and effects // *J. of urban affairs*. – 2005. – N 27. – P. 331–348.
- Musterd S., Ostendorf W., De Vos S.* Environmental effects and social mobility // *Housing studies*. – 2003. – N 18 (6). – P. 877–892.
- Nefedova T. G., Treivish A. I.* Urbanization and seasonal deurbanization in modern Russia // *Regional research of Russia*. – 2019. – Vol. 9, N 1. – P. 1–11.

- Neighbourhoods of poverty : Urban social exclusion and integration in Europe / S. Musterd, A. Murie, C. Kesteloot (eds.). – London : Palgrave Macmillan, 2006. – 259 p.
- Net migration statistics // Migration Watch UK. – URL: <https://www.migration-watchuk.org/statistics-net-migration-statistics> (дата обращения – 21.10.2020).
- Nold Ch. New maps // BioMapping.net. – 2004. – URL: <http://www.biomapping.net/index.htm> (дата обращения – 04.09.2020).
- Oberti M., Préteceille E. La ségrégation urbaine. – Paris : La Découverte, 2016. – 128 p.
- Olds K. Pathways to global city formation : A view from the developmental city-state of Singapore // Rev. of international political economy. – 2004. – N 11 (3). – P. 489–521.
- Ord J., Getis A. Testing for local spatial autocorrelation in the presence of global autocorrelation // J. of regional science. – 2001. – N 41. – P. 411–432.
- Origins and Destinations of the World's Migrants : 1990–2017 // Pew Research Center. – URL: <https://www.pewresearch.org/global/interactives/global-migrant-stocks-map/> (дата обращения – 07.09.2020).
- Parnreiter Ch. Global cities and the geographical transfer of value // Urban studies. – 2019. – Vol. 56, Issue 1. – P. 1–96.
- Peach C. Islam, ethnicity and South Asian religions in the London 2001 census // Transactions of the Institute of British Geographers. – 2006. – N 31. – P. 353–370.
- Peach C. Slippery segregation : Discovering or manufacturing ghettos? // J. of ethnic and migration studies. – 2009. – N 35 (9). – P. 1381–1395.
- Peleman K. The impact of residential segregation on participation in associations : The case of Moroccan women in Belgium // Urban studies. – 2002. – N 39 (4). – P. 727–747.
- Pettit H. Hopeful city : Meritocracy and affect in global Cairo // International j. of urban & regional research. – 2018. – Vol. 42, Issue 6. – P. 1048–1063.
- Phillips D. Parallel lives? Challenging discourses of British Muslim self-segregation // Environment and planning D : Society and space. – 2006. – N 24 (1). – P. 25–40.
- Pooch M. U. DiverCity – Global cities as a literary phenomenon : Toronto, New York, and Los Angeles in a globalizing age. – Bielefeld : Transcript Verlag, 2016. – 240 p.
- Population change and ethnic (de-) segregation in London : Evidence from the Census / Royal Geographical Society (with IBG). – 2017. – 14 p. – URL: <https://www.rgs.org/CMSPages/GetFile.aspx?nodeguid=151da5d4-2b3c-4fdb-8c27-152210f0fe85&lang=en-GB> (дата обращения – 13.10.2020).
- Population projections // Office for National Statistics. – URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationprojections> (дата обращения – 17.11.2020).

- Poulsen M.* Using local statistics and neighbourhood classifications to portray ethnic residential segregation : A London example // *Environment and Planning B : Planning and Design*. – 2011. – Vol. 38. – P. 636–658.
- Préteceille E.* La ségrégation ethno-raciale a-t-elle augmenté dans la métropole parisienne? // *Rev. française de sociologie*. – 2009. – N 50 (3). – P. 489–519.
- Préteceille E.* Segregation, social mix and public policies in Paris // *Residential segregation around the world. Making sense of contextual diversity* / T. Maloutas, K. Fujita (eds.). – Farnham : Ashgate, 2012. – P. 153–176.
- Prior T., Roth F.* Disaster, resilience and security in global cities // *J. of strategic security*. – 2013. – Vol. 6, N 2. – P. 59–69.
- Prix et volume de ventes : Des évolutions de plus en plus divergentes entre la capitale et le reste de l'Ile-de-France. – P., 2017. – 24 p.
- Putnam R.* E Pluribus Unum : Diversity and community in the twenty-first century : The 2006 Johan Skytte Prize Lecture // *Scandinavian political studies*. – 2007. – N 30 (2). – P. 137–174.
- Reed H. C.* The Preeminence of international financial centers. – N.Y. : Praeger, 1981. – 148 p.
- Residential segregation in comparative perspective : Making sense of contextual diversity / T. Maloutas, K. Fujita (eds.). – London : Routledge, 2012. – 346 p.
- Rhein C.* Globalisation, social change and minorities in metropolitan Paris : The emergence of new class patterns // *Urban studies*. – 1998. – Vol. 35, N 3. – P. 429–447.
- Rodrigues Th., Brancoli F., Amar P.* Global cities, global (in)securities: An introduction // *Contexto Internacional*. – Vol. 39, N 3. – 2017. – P. 467–476. – URL: <http://dx.doi.org/10.1590/S0102-8529.2017390300001> (дата обращения – 18.11.2020).
- Rolnik R., Klintowitz D.* Mobilidade na cidade de São Paulo // *Estudos avançados*. – 2011. – N 71. – P. 89–108.
- Ross R., Trachte K.* Global cities and global classes : The peripheralization of labor in New York City // *Review* (Fernand Braudel Center). – 1983. – Vol. 6, N 3. – P. 393–431.
- Rossi U.* Cities in global capitalism. – Hoboken, NJ : John Wiley & Sons, 2017. – 176 p.
- Sachs J.* Will America create a Cold War with China // *China economic j.* – 2019. – N 12 (2). – P. 1–9.
- Safi M.* La dimension spatiale de l'intégration : Évolution de la ségrégation des populations immigrées en France entre 1968 et 1999 // *Rev. française de sociologie*. – 2009. – Vol. 50, N 3. – P. 521–552.
- Sampson R., Morenoff J., Gannon-Rowley T.* Assessing neighborhood effects : Social processes and new directions in research // *Annual rev. of sociology*. – 2002. – Vol. 28. – P. 443–478.
- Sandoz L.* Understanding access to the labour market through migration channels // *J. of ethnic and migration studies*. – 2020. – Vol. 46, Issue 1. – P. 222–241.

- Sassen S.* Cities in a world economy. – Thousands Oaks, CA : SAGE Publications, Inc., 1994. – 424 p.
- Sassen S.* Global Network/Linked cities. – Abingdon : Routledge, 2002. – 376 p.
- Sassen S.* The global city : New York, London, Tokyo. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1991. – 480 p.
- Sassen S.* The global city : Strategic site, new frontier // Moving Cities – Contested Views on Urban Life. – Wiesbaden : Springer VS, 2018. – P. 11–28.
- Saxenian A. L.* The New Argonauts : Regional advantage in a global economy. – Cambridge : Harvard Univ. Press, 2006. – 432 p.
- Schulz M.* Transformation des Berliner Wohnungsmarktes // Mitteilungen Österreichische Geographische Gesellschaft. – 1993. – N 135. – S. 63–86.
- Sen F., Goldberg A.* Turken in Deutschland : Leben zwischen zwei Kulturen. – München : Beck, 1994. – 144 S.
- Shapiro M., Neubauer D.* Spatiality and policy discourse : Reading the global city // Alternatives XIV. – 1989. – Vol. 14, Issue 3. – P. 301–325.
- Shatilo D. P.* Role of the residential real estate market in the ethnosocial differentiation of European capitals : London, Paris, Madrid, and Moscow // Regional research of Russia. – 2015. – Vol. 5, N 1. – P. 45–57.
- Simpson L.* Statistics of racial segregation : Measures, evidence and policy // Urban studies. – 2004. – N 41 (3). – P. 661–681.
- Smith N.* New globalism, new urbanism : Gentrification as global urban strategy // Antipode. – 2002. – N 34 (3). – P. 434–457.
- Smith N., Williams P.* The gentrification of the city. – Boston ; London : Allen & Unwin, 1986. – 257 p.
- Social capital, resilience and accessibility in urban systems : A study on Sweden / *Östh J. et al.* // Networks and spatial economics. – 2018. – Vol. 18, Issue 2. – P. 313–336.
- Social problems and the city : Geographical perspectives. – Oxford : Oxford University Press, 1979. – 286 p.
- Socio-economic segregation in European capital cities : East meets West / Tammaru T., Marcinczak S., Ham M. Van, Musterd S. (eds.). – London : Routledge, 2015. – 414 p.
- Söhn J.* Ungleiche Rechte, ungleiche Chancen. Bildungserfolg von Migrantenkindern hängt auch von Rechtsstatus ab. – Berlin : WZBrief Bildung 2011. – 14 S.
- Soja E. W.* My Los Angeles : From urban restructuring to regional urbanization. – Berkeley : University of California Press, 2014. – 295 p.
- Song F., Timberlake M.* Chinese urbanization, state policy, and the world economy // J. of urban affairs. – 1996. – Vol. 18, N 3. – P. 285–306.
- Song J.* Global Tokyo. Heritage, urban redevelopment and the transformation of authenticity. – London : Palgrave Macmillan, 2020. – 253 p.
- Sorkin M.* All over the map : Writing on buildings and cities. – N.Y. : Verso, 2011. – 320 p.

- State, society, and informality in cities of the Global South / *Auerbach A. M. et al.* // Studies in Comparative International Development. – 2018. – Vol. 53, Issue 3. – P. 261–280.
- Stein S.* Capital city : Gentrification and the real estate state. – N.Y. : Verso, 2019. – 208 p.
- Strom E.* The political context of real estate development : Central city rebuilding in Berlin // European urban and regional studies. – 1996. – N 3. – P. 3–17.
- Tan T.-Y.* Port cities and hinterlands : A comparative study of Singapore and Calcutta // Political geography. – 2007. – Vol. 26, Issue 7. – P. 851–865.
- Taylor P. J.* Leading world cities : Empirical evaluations of urban nodes in multiple networks // Urban studies. – 2005. – Vol. 42, N 9. – P. 1593–1608.
- Taylor P. J.* Specification of the world city network // Geographical analysis. – 2001. – Vol. 33, N 2. – P. 181–194.
- Taylor P. J.* World city network : A global urban analysis. – Abingdon : Routledge, 2004. – 256 p.
- Thomas I., Zenou Y.* Ségrégation urbaine et discrimination sur le marché du travail : Le cas de Bruxelles // Emploi, concurrence et concentration spatiale / M. Catin, J.-Y. Lesueur, Y. Zenou (eds.). – Paris : Economica, 1999. – P. 105–127.
- Töpfer T.* São Paulo : Big, bigger, global? The development of a megacity in the Global South // Globalization and the city. – Innsbruck : Innsbruck University Press, 2013. – P. 163–178.
- Toward a new social contract : Taking on distributional tensions in Europe and Central Asia / Bussolo M. et al. – Wash., DC : World Bank Group, 2019. – 251 p. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/569321538150509492/pdf/Toward-a-New-Social-Contract-Taking-on-Distributional-Tensions-in-Europe-and-Central-Asia.pdf> (дата обращения – 15.09.2020).
- Treivish A. I., Zotova M. V., Savchuk I. G.* Types of cities in Russia and across the Globe // Regional research of Russia. – 2014. – Vol. 4, N 2. – P. 90–94.
- Tshitshi K.* Migraciones y convivencia urbana. Un estudio comparativo sobre los conflictos sociales y la segregación residencial en 6 ciudades europeas / Comunidad de Madrid. – 2012. – 162 p. – (Cuadernos de la EPIC ; N 8).
- Turok I.* South Africa's tortured urbanisation and the complications of reconstruction // Urban growth in emerging economies : Lessons from the BRICS / G. McGranahan, G. Martine (eds.). – N.Y. : Routledge, 2014. – P. 143–190.
- UK Economic Outlook : March 2007 / Price Waterhouse Coopers. – London, 2007. – 40 p.
- Uslaner E.* Segregation and mistrust : Diversity, isolation, and social cohesion. – N.Y. : Cambridge University Press, 2012. – 284 p.
- Vogiazides L., Mondani H.* A geographical path to integration? Exploring the interplay between regional context and labour market integration among refugees in Sweden // J. of ethnic and migration studies. – 2020. – Vol. 46, Issue 1. – P. 23–45.

- Von Personen und Wohnungen zu Haushalten : Die Haushaltegenerierung des Zensus 2011 / *Burkhardt von O. et al.* // Zeitschrift für amtliche Statistik Berlin Brandenburg. – 2014. – N 1. – S. 42–50.
- Wee K., Goh Ch., Yeoh B. S. A.* Chutes-and-ladders : The migration industry, conditionality, and the production of precarity among migrant domestic workers in Singapore // *J. of ethnic and migration studies*. – 2019. – Vol. 45, Issue 14. – P. 2672–2688.
- Welsh J.* The political aesthetic of the British city-state : Class formation through the global city // *Constellations : An international j. of critical & democratic theory*. – 2019. – Vol. 26, Issue 1. – P. 59–77.
- Wenzel F., Bendimerad F., Sinha R.* Megacities–megarisks // *Natural Hazards*. – 2007. – N 42 (3). – P. 481–491.
- Werlen B.* Society, action and space. – London : Routledge, 1993. – 249 p.
- Windle J., Maire Q.* Beyond the global city : A comparative analysis of cosmopolitanism in middle-class educational strategies in Australia and Brazil // *Discourse : Studies in the cultural politics of education*. – 2019. – Vol. 40, Issue 5. – P. 717–733.
- The World According to GaWC 2018. – URL: <https://www.lboro.ac.uk/gawc/world2018t.html> (дата обращения – 15.09.2020).
- World Urbanization Prospects : The 2018 Revision / United Nations. – N.Y., 2019. – 126 p. – URL: <https://population.un.org/wup/Publications/Files/WUP2018-Report.pdf> (дата обращения – 15.09.2020).
- Xin Li J., Tong Y.* Coming together or remaining apart? A closer examination of the contexts of intergroup contact and friendship between urban residents and rural-to-urban migrants in China // *J. of ethnic and migration studies*. – 2020. – Vol. 46, Issue 1. – P. 66–86.
- Yizhaq H., Portnov B. A., Meron E.* A mathematical model of segregation patterns in residential neighbourhoods // *Environment and Planning A*. – 2004. – Vol. 36, N 1. – P. 149–172.
- Zubarevich N. V.* Concentration of the population and the economy in the capitals of post-soviet countries // *Regional research of Russia*. – 2018. – Vol. 8, N 2. – P. 141–150.
- Zubarevich N. V.* Russian agglomerations : Trends, resources and governability // *Social sciences*. – 2017. – Vol. 48, N 4. – P. 66–80.
- Zwysen W., Demireva N.* Ethnic and migrant penalties in job quality in the UK : The role of residential concentration and occupational clustering // *J. of ethnic and migration studies*. – 2020. – Vol. 46, Issue 1. – P. 200–221.

Д.П. Шатило

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ**

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 4/III – 2021 г. Формат 60х84/16

Бум. офсетная № 1 Печать офсетная

Усл. печ. л. 5,0 Уч.-изд. л. 4,5

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ № 143

Институт научной информации по общественным наукам

Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**

Тел.: +7(925) 517-36-91, +7(499) 134-03-96

e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов

ул. Чернышевского, д. 88, литера У